

50 лет назад в апреле 1961 года свершилось величайшее событие в истории всего человечества. Можно сказать, цивилизация планеты Земля достигла своего наивысшего пика — был открыт путь в космос. Юрий Алексеевич Гагарин — советский военный лётчик, коммунист, молодой человек в возрасте 27 лет на космическом корабле “Восток” конструкции Сергея Павловича Королёва, стартовав с космодрома Байконур, вышел на околоземную орбиту и, облетев Землю, благополучно приземлился на территории СССР в районе Саратова. Наша страна может по праву гордиться, что именно её гражданин стал первым человеком в космосе, русский народ может гордиться тем, что именно русский человек проложил дорогу во Вселенную, а та историческая общность людей, которую принято называть советскими людьми, стала той жизненной средой, что воспитала такого человека. И это не случайно. Писатель Валерий Николаевич Хайрюзов, сам бывший лётчик, попытался по-новому взглянуть на события полувекковой давности, вновь открыть перед читателем тот путь в космос, что прошли советские люди легендарной эпохи.

ВАЛЕРИЙ ХАЙРЮЗОВ

ПУТЬ В КОСМОС

Многим дерзкие замыслы не удалось воплотить в жизнь из-за слишком робкого их исполнения.

Воверанг Люк де Капье

Я хорошо помню тот апрельский день 1961 года. Был он обычным, сереньким, когда, устав от долгой зимы, все живое радуется солнцу, ещё нетвердому теплу, прохладной сырости и вообще всему, что приносит с собой весна. Возле иркутских заборов с северной стороны ещё лежал снег, по канавам вдоль дорог бежали ручьи, разбрызгивая лужи, куда-то по своим надобностям неслись машины. Когда из-за облаков на какое-то время выползло солнце, становилось тепло, и этому теплу радо было всё: дома, огороды, деревья, воробьи, люди, спешащие на работу и с работы. После уроков мы собрались на футбольном поле, которое размещалось меж двумя железнодорожными ветками, и начали делиться на команды. Но тут с каким-то новым, сияющим лицом, прибежал мой одноклассник Витька Смирнов и срывающимся голосом объявил: по радио только что передали, наш лётчик Юрий Гагарин облетел на ракете Землю.

Новость была неожиданной, необычной, но мы в неё сразу же поверили. Все шло к тому, последние запуски тяжёлых спутников говорили о том, что полета человека в космос осталось немного времени. Но чтоб вот так сразу! Какой после этого футбол! Вмиг тусклый весенний день для нас стал светлым и праздничным. Ур-ра! Наш летчик на ракете облетел Землю! Что есть силы

я запустил ногой в небо футбольный мяч, а он, через несколько секунд, не желая превращаться в искусственный спутник, упруго шлёпнулся на землю и, подпрыгивая, утих в пожухлой прошлогодней траве. Но моя душа, взлетев за мячом в необъятную синь весеннего неба, не хотела возвращаться обратно. Мы помчались в школу. А там уже творилось невообразимое: все бегали с какими-то сумасшедшими, счастливыми лицами. Позже наш физрук Николай Павлович скажет, что такие же счастливые лица и всеобщее радостное возбуждение были у людей, когда они узнали о капитуляции фашистской Германии. После окончания войны прошло всего каких-то шестнадцать лет!

Осознать это было сразу невозможно.

Директор хотел собрать всех, кто был в школе, на торжественную линейку, но из этой затеи ничего не вышло, все толпились около школьного радио. Оно многозначительно замолкало, потом передавали марши, затем раздавался бой курантов и звучал торжественный голос Левитана:

“12 апреля 1961 года в Советском Союзе выведен на орбиту вокруг Земли первый в мире космический корабль-спутник “Восток” с человеком на борту. Пилотом-космонавтом космического корабля-спутника “Восток” является гражданин Союза Советских Социалистических Республик лётчик майор Гагарин Юрий Алексеевич”.

Радио замолкало, а потом вновь и вновь Левитан сообщал биографию героя, высоту и продолжительность полёта, вес космического корабля “Восток”, поступающие отклики на это событие. А они поступали практически со всего мира.

Мы узнали, что майор Юрий Алексеевич Гагарин – уроженец смоленской земли, лётчик-истребитель, отец двоих детей. Он закончил Люберецкое ремесленное училище, затем Саратовский индустриальный техникум. Научился летать в Саратовском аэроклубе, затем закончил Чкаловское высшее авиационное училище, служил в Заполярье, где летал на МИГах. Эти новости быстро разлетелись не только по нашему поселку, городу, но и по всему миру: советский человек, а не американец, как предполагали на Западе, первым побывал в космосе! У нас был день, а в Америке – ночь. Позже учитель истории Анна Константиновна расскажет нам на уроке, что в 3 часа ночи главного советника Президента США разбудил телефонный звонок – журналист жаждал получить комментарии о новом, таком болезненном для престижа Соединённых Штатов достижении русских. Советник в негодовании, что его разбудили, спросонья ответил: “Если ты хочешь что-нибудь услышать от нас, придурок, то ответ будет такой: все ещё спят”. Он очень пожалеет об этих словах уже утром. Заголовки всех газет гласили: “Пока Соединённые Штаты спали, русские покорили орбиту Земли”.

Прибежал домой и как-то по-новому оглядел свой дом, с низким, нависшим потолком, тесной кухней, в этот день показавшейся мне светлой, высокой и просторной. Уже через два месяца я заканчивал школу, и впереди была другая, как мне тогда казалось, взрослая жизнь. И в ней теперь был Юрий Гагарин. Я был не одинок, для многих Гагарин стал близким человеком. Американские космонавты скажут, что Юрий Гагарин позвал их в космос. А кто может посчитать, скольких ребят он позвал в небо в нашей стране?

12 апреля 1961 года весь мир искренне праздновал победу Советского Союза. На улицах Европы, Азии, Африки собирались стихийные митинги, люди танцевали, пели. Буквально на следующий день на митингах – удивительная оперативность доморощенных модельеров – появились белоснежные и оранжевые самодельные скафандры, в которых расхаживали молодые люди. И лишь в США праздником не пахло.

“Через телескоп “холодной войны” советское достижение может рассматриваться только как победа для коммунизма и поражение для свободного мира во главе с США”, – мрачно писал журнал “Time”.

“Данное поражение Америки в освоении космоса должно быть последним!” – так не победу человеческого разума, а поражение Америки зафиксировал телевизионный канал NBC.

Америка не сомневалась в том, что за удачей русских, сумевших запустить первыми искусственный спутник Земли 4 октября 1957 года, последуют победы в космосе американцев. США пошли на форсирование программы полёта первого человека. Американская пресса подробно представляла кандидатов на этот полет: “Среди них – первый человек, который преодолет зем-

ное притяжение!”. День “М” (так окрестили дату этого предполагаемого исторического события) был назначен на 28 апреля 1961 года. И лишь журнал “Life” 3 марта опубликовал осторожное предположение, что русские могут обогнать американцев и первыми запустить в космос человека. В нем же был дан прозорливый прогноз того, что люди полетят на Луну в начале 1970-х годов, а русские к 1980-м создадут гигантскую орбитальную станцию. Но подобных прогнозов никто всерьёз не воспринимал... Американский сенатор Генри Джонсон назвал те дни “неделей позора и опасности”. А другой сенатор, Линдон Джонсон, будущий Президент США, описал день запуска первого спутника в космос в своих воспоминаниях так: “Теперь вдруг небо выглядело почти чужим. Я также помню глубокий шок от осознания того, что другая нация смогла достичь технологического превосходства над великой нашей страной”. С отцом немецкой и американской космонавтики Вернером фон Брауном после получения известия о запуске советского спутника случился настоящий припадок. Учёный находился в тот момент в баре и, несмотря на многолюдье, закричал: “Я так и знал... Надо что-то делать!” Присутствовавший при этом военный руководитель программы спутников генерал Джон Медарис позже писал: “Мы все чувствовали себя футболистами, вымаливающими позволение уйти со скамейки запасных”.

Джон Ярдли, начальник отдела полётов в Национальном управлении США по аэронавтике и исследованию космического пространства (NASA), вспоминал: “Юрий Гагарин меня очень сильно раздражал”. Но эта новость о полете совсем не удивила начальника оперативной группы NASA Гилруфа: “Мы знали, что СССР занимается такими же разработками, как и мы, но наша разведка не имела сведений об их успехах”. В какой же степени полёт Гагарина отразил общий уровень развития СССР в науке и технологии? – Уолтер Липпман, известный журналист, писал в одной из статей: “Тот факт, что СССР обогнал нас, нельзя объяснить случайным изобретением. В СССР должно быть большое количество учёных, инженеров и рабочих, а также высокоразвитая промышленность, хорошо управляемая и обильно финансируемая”.

В Белом доме о полёте Гагарина узнали сразу же. Руководителям NASA и космонавтам сообщили об этом событии в 4 часа утра (по вашингтонскому времени). Для Алана Шепарда, которого готовили как первого американского космонавта, эта новость стала крупным потрясением.

Шепард включил радио. Взволнованные голоса рассказывали о космическом корабле “Восток” и Юрии Гагарине. Алан позвонил другим членам команды готовящегося к полёту космического корабля “Меркурий”. Они уже слышали новость и были очень расстроены. Победа в космосе досталась русским, и это стало неопровержимым фактом.

Руководители NASA собрали всех космонавтов до восхода солнца: “Нам необходимо заявление для прессы”. Космонавты разрешили включить в заявление то, что они расстроены, и настаивали, чтобы в заявлении было поздравление СССР с его необыкновенным технологическим подвигом. Джон Гленн решил помочь журналистам, сказав, что надо быть прямыми и правдивыми. “Они обогнали нас, вот и всё, – сказал он прессе. – Не надо обманывать себя. Но сейчас началась эра космоса, и работы хватит всем”.

Для президента США Джона Кеннеди это было неприятно вдвойне. За одну неделю две неприятные новости: фиаско американских наёмников при высадке на Кубу и грандиозный успех русских в космосе. Такое нелегко было пережить... На пресс-конференции Кеннеди сказал, что США не будут соревноваться с достижениями СССР, но найдут другие сферы, где американцы будут первыми и принесут больше пользы человечеству. Однако несколько месяцев тому назад он обещал своим избирателям совсем другое: по всем направлениям повышать международный авторитет страны. Во время предвыборной президентской кампании 1960 года предметом спора кандидатов в президенты стал разрыв между США и СССР в области ракетостроения и освоения космоса. Кеннеди заявил, что Америка должна занять свое главенствующее место в космосе, так как “космос – это наша новая граница”.

Но поддержки от главного научного советника Джерома Уиснера он не получил. Узнав о полёте Гагарина и о непревзойдённой мощи ракетопосылителей СССР, многие в Вашингтоне предлагали отменить программу и не отправлять человека в космос: зачем тратить время, усилия и деньги, чтобы стать вторыми? Уиснер хотел “распотрошить” всю космическую программу страны, пере-

строить NASA и считал, что необходимо заниматься авиацией и уступить космос СССР. Он настаивал, чтоб Кеннеди подписал документы о завершении программы “Меркурий”, мотивируя тем, что если программа окажется неудачной и погибнут люди, то вся вина падёт на президента.

Кеннеди отказался подписывать этот документ. Он вызвал к себе вице-президента Линдона Джонсона и назначил его председателем Национального космического комитета. Затем вызвал Джеймса Вебба, известного юриста из Северной Каролины, знакомого со многими ключевыми фигурами в промышленности и правительстве, и сразу же приступил к делу: “Джим, я хочу, чтобы ты управлял NASA”.

До этого Кеннеди первоочередной своей задачей считал свержение Фиделя Кастро. Гагарин изменил его планы. Через два дня после полёта советского космонавта Кеннеди собрал в своём офисе Джонсона, Вебба и Уиснера и поставил перед ними задачу: догнать и перегнать СССР в области космических разработок. Это были важные шаги для космической программы.

Пока за океаном нервничали политики и генералы, майор Гагарин спал на берегу Волги после самого долгого дня в своей жизни. В то время как многие люди на Земле ещё не скоро смогли заснуть, понимая, что стали свидетелями события исторического масштаба. Невозможное стало возможным. А в России, которая ещё совсем недавно лежала в руинах после страшной войны, все: политики, учёные, инженеры, крестьяне, рабочие, студенты — понимали, что стали совсем другими: увереннее, сильнее и вновь, как во время войны, единым, способным на новые свершения народом.

Конечно, ни сам Гагарин, ни его близкие ещё не подозревали, что после этого полета вокруг земного шара его жизнь перестанет ему принадлежать. Буквально каждая минута его жизни — от рождения и до самой смерти — станет частью легенды о советском человеке, который первым полетел в космос. При том, что сам себя он великим не чувствовал и за те судьбоносные полтора часа самыми волнующими для него оказались не подготовка и запуск космического корабля, а минуты, связанные со спуском с орбиты. Но всё произошло штатно, и вот он уже в вертолёте, который везёт его на ближайший аэродром, затем уже на самолёте его перевезут в Куйбышев и спрячут от любопытствующих людей на обкомовской даче. Усталый и счастливый, он ещё до конца не осознавал, что произошло, какая буря восторга охватила весь мир после сообщений о первом космическом полёте гражданина СССР.

Так совсем ещё недавно обычный летчик истребительного авиационного полка в одночасье оказался самым знаменитым человеком в мире.

“Уже в первые часы после приземления он сразу почувствовал перемену в своем положении, — вспоминает Ярослав Голованов. — С одной стороны, он сам интересовал всех несравненно больше, чем день назад, что очень его забавляло: неужто за 108 минут он мог так измениться?!”

С другой стороны, Гагарин ощущал большую несвободу. Он очутился в положении малого ребёнка, за которого решают все: когда ему вставать и когда ложиться, во что одеваться, что есть, когда гулять. Его самостоятельность не распространялась дальше выбора, что взять с тарелки: огурец или помидор. Теперь в самолёте, развесив на плечиках новенький китель и шинель с ослепительными майорскими погонами, он зубрил рапорт, который должен отдать Хрущёву, спустившись с трапа лайнера. Подумать только: Хрущёв будет встречать его на аэродроме!”

Юрий Алексеевич Гагарин спускается с трапа самолёта и по ковровой дорожке под стрекот камер и вспышки фотоаппаратов идёт к встречающим. И тысячи людей видят, что у него на ботинке развязался шнурок! И все начали переживать, как бы он на глазах всего мира не споткнулся, не упал. Но всё обошлось, и вот он, совсем недавно ещё скромный гжатский паренёк, уже стоит рядом с руководителем государства Никитой Сергеевичем Хрущёвым на трибуне Мавзолея. Внизу колыхалась Красная площадь, заполненная ликующим народом.

Своим рождением старинный русский городок Гжатск обязан Петру I. Что-бы столичный Санкт-Петербург был сыт да обут, Пётр I повелел: “... по рекам: по Гжати... да по Вазузе... сделать судовой ход, чтобы могли суда с пенькой и хлебом и с иными товарами ходить... да на тех реках в пристойных местах сделать амбары”. Само название Гжати, а позже Гжатска, явилось от Аржати —

так звали в местных деревеньках эту речку, как и иные, с ржавым железистым оттенком воды речушки – Аржава, Ржавец, Ржать... Историки решили считать датой основания города время обнаружения указа Петра I об открытии Гжатской пристани – 11 ноября 1719 года. Чтобы обеспечить Санкт-Петербург продовольствием, строительными материалами, начали искать водные пути, по которым можно было бы снабжать столицу всем необходимым. Сплав с Гжатской пристани осуществлялся на плоскодонных судах – барках. Барка имела 36 метров длины, 8 метров ширины. Поднимала барка 8 тысяч пудов груза. Трюм был двойной. В Петербург везли пеньку, рожь, ячмень, овёс, сало, говяжьи кожи и многое, многое другое. В Петербурге барки разбирались на дрова или на строительные материалы. Сплав осуществлялся только один раз в год по половодью, поскольку река Гжать и в то время была мелкой. Из Петербурга купцы везли назад шёлк, чай, сахар да прочего “столишного товару навалом”. Оттого и на знаменитой Казанской ярмарке в Гжатске можно было повстречать покупателей не только из Москвы, но из городов и подале.

9 марта 1934 года в Гжатске Смоленской области простая русская женщина родила мальчика, которому вскоре предстоит стать самым известным человеком на Земле. До войны Гагарины жили в селе Клушине. Соседи, близкие Гагариных вспоминают, что Юрина мама, Анна Тимофеевна, в самое голодное время сохраняла доброту и не только своих детей – старшего, Валентина, Зою, Юру и младшего, Борю, но и тех, кто бывал в доме, старалась обласкать. Никто от Гагариных не уходил голодным.

В самом начале войны Юра поступил в первый класс, но проучился недолго – началась оккупация. Алексей Иванович болел тифом, и семья не успела эвакуироваться. Гагариным пришлось жить в землянке, спешно отрытой на огороде. Немцы начали угонять людей на каторгу в Германию. Среди них были старший брат Юрия Валентин и сестра Зоя. Но Валентин сбежал по дороге, ушёл на фронт и отважно воевал танкистом до конца войны. Удалось вернуться и Зое. Семьдесят пять гжатчан, отказавшихся ехать в Германию, фашисты расстреляли. В конце Смоленской улицы фашисты соорудили лагерь для военнопленных. Люди в нём умирали сотнями от холода, голода и ран. Немецкому командованию совершенно очевидно было значение Гжатска как отличного плацдарма. Подступы к городу заминировали, опутали проволочными заграждениями. Гжатск напоминал больше не провинциальный городок, а оцетинившуюся крепость. Но в городе действовал комсомольско-молодежный диверсионный отряд “Победа”. Командиром его был Кирилл Новиков, комиссаром – Азар Дроздов. Летели под откос эшелоны, горели склады, исчезали немецкие офицеры. После войны в честь бойцов отряда в городском парке воздвигнут памятник и посажена аллея. В три часа ночи шестого марта 1943 года советские войска ворвались в Гжатск. Пехота поднималась в атаку под шквальным огнём врага. Кровью платили за каждый освобождённый дом, за каждую улицу. К половине десятого утра город был освобождён. Пятнадцать гжатчан удостоены звания Героя Советского Союза.

На всю жизнь Юра запомнил, как немец Альберт, новый хозяин их дома, повесил на суку яблони брата Бориску. Мать бросилась снимать сына, а Альберт начал стрелять из автомата перед её ногами. И когда мать бросилась под пули, Альберт рассмеялся и позволил снять Бориску. Мальчика едва-едва отходили.

После войны на вечере, посвященном Международному женскому дню, Юра читал отрывок из “Молодой гвардии”. А потом, когда его спросили, почему он выбрал именно этот отрывок, сказал:

– Фадеев как будто в нашем селе бывал. Когда я читал, то видел перед глазами свою маму. И фашиста Альберта.

После войны Гагарины переехали в город. Жили трудно, бедно, но дружно. Алексей Иванович детей особо не баловал, но любил и помогал, чем мог. В 1945 году при Гжатском педучилище было сформировано два третьих класса. Именно в начальных классах завязывается дружба, которую несут всю жизнь.

“После 4-го класса нас перевели в Гжатскую среднюю школу, – вспоминает друг детства Юры Гагарина Лев Толкалин. – Мы сидели за одной партой, занимались фотографией, радио, в авиационном кружке, играли на трубах в пионерском духовом оркестре. А наше первое знакомство с Гагариным состо-

ялось на школьном дворе — играли класс на класс в футбол. Юра был капитаном команды класса “Б” и, конечно же, выделялся среди своих одноклассников. Кроме лапты и футбола, мы с ним любили технику и постоянно торчали на городской электростанции.

Однажды на перемене наш приятель Славка Нижник похвастался перед девчонками, что уже не раз был в Москве, видел и метро, и троллейбус, и зоопарк.

— Сколько стоит билет до Москвы? — спросил Гагарин.

— А я почём знаю, — ответил Славка. — Я на крыше езжу. Поехали, сам увидишь!

День ушёл на изготовление из стальных трубок поддельных ключей, чтобы открыть ими двери в тамбур вагона. Родителям Славка с Юркой сказали, что идут ко мне делать гербарий для школы, что у меня и заночуют. А я наврал своим, что пойду с ночёвкой к Гагариным. Я у них нередко ночевал.

В субботу мы сбежали с последнего урока на вокзал. Подошёл поезд. Мы подбежали к нему с другой стороны, где двери не открывались, и быстро открыли их самодельными ключами. Так же пробрались в туалет и притихли. Поезд тронулся.

Вскоре дверцу начали дергать, и мы решили выбираться и лезть на крышу вагона. Билеты тогда стоили дорого, на крышах ездили и простые бедняки, и мешочники, и блатные. Вагоны тянул паровоз, на крыше торчали вентиляционные трубы, за которые можно было держаться.

За час до Москвы на крыше появились двое парней. Увидев их, Славка спрятал в носок свои деньги. Юрка сначала их не заметил, но, когда парни подошли к нам, ответил им очень резко. Один из них тут же достал из кармана финку. А у Гагарина в руках вдруг появился здоровенный кухонный нож. Парням, видно, лень было связываться, денег они уже достаточно набрали. Они ушли. А я удивился: — Откуда у тебя такой тесак? — Да мать дала нам ветки и листья резать, — ответил Юрка. — Сказала, хорошо наточи. Я и наточил. Мы же “гербарий делаем” для школы. . .”.

Уже по одному этому эпизоду можно понять, что Гагарин был мальчишкой рискованным и в любой момент готов был постоять не только за себя, но и за сидевших рядом друзей. На такое мог отважиться не каждый. Можно представить, что бы произошло, завяжись на крыше вагона драка.

“В городе возле храма до сих пор есть мост через реку Гжать, — вспоминает Толкалин. — Сейчас он бетонный, а после войны на месте взорванного стального спешно построили хлипкий деревянный. Летом под мостом из воды торчал искореженный металл, речка сильно мелела. Но ребята все равно там купались. Особо смелым удавалось даже прыгать с нижних строений моста. Безрассудно смелым считался прыжок с боковой, пешеходной его части. Прыгали оттуда только два взрослых парня, которые во время войны были в партизанском отряде.

Как-то в мае мы с Юркой и другими мальчишками встретили на мосту шайку известного в городе хулигана и заводилы Хромого. Он стал задирать Юрку — знал, что он у нас считался главным: “Спорим на бутылку, что я прыгну с моста!” Юрка спорить не хотел. Но Хромой не отставал. И в конце концов Гагарин согласился. Мы пытались его отговорить, но он только отмахнулся от нас. Надо было рассчитать прыжок так, чтобы перелететь через балку, торчащую из воды, и попасть на глубокое место. Хромой шлёпнулся в воду плашмя, животом, вынырнул с жутким воем. Кое-как его друзья вынесли на берег. А Юрка угодил в то же место, что и Хромой, но вошёл в воду удачно. Потом Хромой и меня заставил прыгать. Но я поднялся только на самый первый ряд стропил, повис на руках и упал в воду. “На черта тебе было прыгать?” — спросил у Юрки наш друг Женья Васильев. “Да уже не прыгать было нельзя! Что обо мне подумали бы?..” Трусом он никогда не был”.

В Гжатской школе, где учился Юрий Гагарин, преподавательница русского языка и литературы Ольга Степановна Раевская ставила в школьном театре спектакли по Гайдари, Пушкину. Юра играл главные роли: Тимура и Балду.

Учитель физики Лев Михайлович Беспалов занял особое место в жизни Гагарина. Демобилизовавшись из армии, он ходил в военном кителе, и ребятам это страшно нравилось. Было ему лет тридцать. Лицо было доброе, но чуть сдвинутые брови делали его строгим.

В школе он вместе с Зинаидой Александровной Комаровой организовал авиационно-технический кружок, в который записались почти все мальчишки. Вскоре ребята сделали летающую модель самолёта, где-то достали бензиновый моторчик и отправились на пустырь запускать свой “самолёт”. Разговор о том, как эта модель полетела к солнцу, было не на один вечер!

Позже почти все учителя, кто знал Гагарина, отмечали, что Юра слишком боек, за словом в карман не лезет. “Язык мой – враг мой”, – гласит народная мудрость. Ну кто из нас в детские годы не испытал это на себе?

“И однажды со своим языком Юрка влип по-настоящему, – вспоминает Толкалин. – Юркин отец, Алексей Иванович, нередко брал лошадь у конюха, чтобы вспахать большой огород. За ней обычно посылали Юрку. Он любил лошадей, умел ездить верхом. Как-то он взял меня с собой. Возвращались на телеге. Вдруг видим, навстречу идёт наш учитель физики – высокий, красивый Лев Михайлович. А с ним – учительница Олимпиада Петровна, маленькая, стройная. Мы примолкли, а они прошли мимо – будто бы нас и не заметили. И вдруг Гагарин поднялся во весь рост и заорал: “Лев Михайлович, как Олимпиада Петровна? А?!” Тактичный Лев Михайлович даже не оглянулся, а я свалился на дно телеги. Потом на школьной перемене Лев Михайлович подозревал Гагарина. Мы думали, что он здорово его отчитает. Но он просто сказал: “Ну, что скажешь, Гагарин?” И замолчал. Молчал и Юра. Когда Гагарин остался с глазу на глаз с Беспаловым, то он думал, что за такую выходку ему несдобровать. Молчание Беспалова было для него сущим наказанием. Уж лучше бы отругал. Для Гагарина тот случай стал уроком снисхождения и человеческой мудрости. “Лев Михайлович – мужик что надо”, – объявил нам потом Юрка”.

“В школе по подсказке Льва Михайловича как-то прочёл Юра книгу о жизни Циолковского, – вспоминает мать Юрия, Анна Тимофеевна. – Любовь к этому человеку, восхищение его одержимостью, страстностью, бескорыстным служением идее космических полётов пронёс Юра через всю жизнь. Однажды пришли они с Бориской в дом, я глянула – ахнула: лица у них чёрные от копоти, а у Бориса и брови опалены. Я всё поняла: самострелом баловались. В тот послевоенный год ребячьи карманы так и распирало от гильз, осколков снарядов, неразорвавшихся патронов. Сколько уж раз, извлекая это опасное “богатство” из сыновних карманов, страшила их, предупреждала беречься. Боялась я этих игр: случались трагические истории, от взрывов дети гибли, оставались калеками, слепыми. Хотела наказать сыновей так, чтобы на всю жизнь запомнили, но тут поглядела в Юрино лицо, вижу: сам все осознал. Только одно и сказала:

– Понял, что брат чуть глаз не лишился? Нельзя так! Или у меня и без ваших игр горя мало?

Бывало, что убегут на рыбалку – нет их и нету. Забеспокоюсь я: мало ли что приключилось, мальчишки ведь шустрые! Однажды так долго не возвращались, что пошла искать. Все берега Гжати исходила, до собора добежала. Нету! Домой совсем по темноте пришла, а они дома. Сидят за столом такие чинные, такие притихшие, что я сразу поняла: чего-то натворили.

Юра сразу же ко мне.

– Мама! Борискины ботинки пропали. Только он не виноват. Мы все бега облазили. Украли их.

У меня ноги подкосились. В послевоенное нелегкое время это была большая потеря. Ботинки только-только по ордеру купили. Как же, думаю, он в школу пойдёт? Мне ребятюк жалко, и как положение поправить – не знаю. Юра нашёлся:

– Мы уж придумали. На носки галоши Зоины наденем – хорошо будет. – И эдак тихонечко да ласково: – Ты, мам, носки потолще свяжешь?

Ругать уж настроения не было. Видно же: ребята сами мучаются и переживают”.

Однажды в школе незадолго до окончания урока вошёл в учительскую пожилой человек. Был он явно чем-то рассержен, в руках держал какие-то покореженные деревянные детали.

– Это что же такое происходит? – сердито сказал он. – Здесь школа или опасная зона? Иду мимо – и вдруг из углового окна прямо на голову вот это падает.

Взяла заведующая школой “это” и пошла в класс. Ребята поднялись и застали.

– Чей это планер?

Минуту висела в классе напряженная тишина, а потом выступил вперед Юра Гагарин.

– Хорошо, Юра, что сознался, – строго сказала заведующая, – но завтра приходи с мамой.

– Я и сам всё понял, – сказал Юра. – Только маму не надо вызывать.

“Память человеческая сохраняет главное: Юра был шаловливым, но честным, открытым, добрым, – вспоминала заведующая. – Вот однажды на отрядном сборе пели песню “Три танкиста”. Я чувствую – вот-вот расплачусь: сын у меня танкистом был, погиб он. Ребята знали о моём горе, как-то я с ними поделилась. Когда запели про экипаж машины боевой, я своего вспомнила, а чтобы слёз ребята не видели, ушла. Стою в коридоре у окна, слышу: дверь скрипнула – несколько ребят подошли ко мне. Юра остановился рядом. Вижу – утешить хочет, а слов нет. Вот так мы постояли-постояли... Успокоилась я, вернулись мы на сбор”.

В начале 1960-х годов молодые ребята, кому предстояло выбрать собственный путь в жизни, очень хотели походить на Юру Гагарина. Каждый видел в нём свою мечту, свой идеал. Все интересовались любой информацией о жизни этого русского парня из Смоленской области. И, примеряя на себя его биографию, находили много схожего. Ничего особенного в его жизни не было – таких в стране были миллионы. И этим он был понятен и притягателен. Такой мог сидеть рядом за партой, играть в баскетбольной команде, стоять за станком, сидеть в кабине самолёта. К тому же его открытость, доброжелательность, готовность прийти на помощь не могли не нравиться. Если вспомнить фильмы, которые выходили в пятидесятые годы, то герои Леонида Харитонов, Леонида Быкова, Николая Рыбникова, Юрия Белова, Георгия Юматова, Василия Ланового, Василия Шукшина будто предвосхищали появление Гагарина. Как правило, это были бесхитростные, надёжные, добрые, умевшие вовремя подставить плечо парни, которые пришли на экраны из деревень и рабочих посёлков.

Сразу же после полёта зарубежные журналисты выдвинули предположение, что Юрий Гагарин является потомком князей Гагариных, а родоначальником этого древнего рода был Иван Всеволодович, младший сын великого князя владимирского Всеволода Большое Гнездо.

Когда об этом сообщили Юрию, он засмеялся и посоветовал тем, кто написал об этом, поехать в Гжатск и расспросить его родителей, тогда они точно узнают, какого он рода-племени. Своим происхождением Юрий Алексеевич гордился и не скрывал, что его предки были из простых крестьян, тех, кого по праву называют солью земли. Его становление как гражданина и человека происходило у всех на виду. И это обстоятельство делало его в глазах миллионов людей “своим в доску” парнем.

Мать Гагарина, Анна Тимофеевна, в девичестве Матвеева, родилась в крестьянской семье в деревне Шахматово, что находилась неподалеку от Петербурга. Потом семья перебралась в тогдашнюю столицу Российской империи и поселилась на Богомолковской улице, а её отец устроился работать на Путиловскую верфь, в паровозомеханическую мастерскую. Там же она получила начальное образование. В гжатском музее Юрия Гагарина есть свидетельство об успешном окончании четырёх начальных классов, выданное Анне Матвеевой в Петербурге 13 июня 1916 года Комиссией Императорского русского технического общества.

Отец Гагарина, Алексей Иванович Гагарин, был сыном смоленского крестьянина-бедняка и окончил всего два класса церковноприходской школы. В округе его знали как мастера на все руки. И было в кого. В роду Гагариных было немало мастеров, которые могли и дом срубить, и рамы связать, да так, что топор играл в руках.

И первые строки своей биографии Юрий Гагарин посвятил не столько отцу, сколько его делу, мастерству. “До сих пор помню желтоватую пену стружек, как бы обмывающих его крупные рабочие руки, и по запахам могу различить породы дерева – сладковатого клена, горьковатого дуба, вяжущий привкус сосны, из которых отец мастерил полезные людям вещи. Одним словом, к дереву я отношусь с таким же уважением, как и к металлу”. Именно отец с матерью привили Юрию любовь к труду, бережливость, заботу о млад-

ших. В школе Юрий учился хорошо, с охотой, учителя выделяли его живой, цепкий ум, хорошую память и почти все – обостренное чувство справедливости. Анна Тимофеевна вспоминала с улыбкой, как однажды оставила Юру одного дома и попросила, чтобы он присмотрел за поросятами. Вернулась и видит: одни поросята у кормушки, а другие заперты в клетке.

– Я не пускаю тех, которые очень жадные, – объяснил он. – Они слабеньких отгоняют, а сами всё съесть норовят. Накормлю их в последнюю очередь.

В жизни часто можно наблюдать, когда справедливость рассматривают как улицу с односторонним движением: со мной пусть поступают по справедливости, а я – как мне удобно. У Гагарина чувство справедливости по отношению к другим стояло на первом месте. Так было заведено в семье, так в то время старалось жить большинство народа. В этом смысле Юрий был намного благороднее иных “потомков” князей и дворян, которых ныне развелось, хоть пруд пруди.

Когда Анну Тимофеевну Гагарину приглашали выступить перед школьниками, она вспоминала свою молодость и те незабываемые годы, когда они, собираясь в праздничные колонны, пели песню Лебедева-Кумача:

*Идем, идем, веселые подруги!
Страна, как мать, зовёт и любит нас...*

В тот год, когда родился Юрий, вся страна, все люди следили за новостями, которые приходили с Ледовитого океана, где экспедиция под руководством Отто Юльевича Шмидта в 1933 году на не приспособленном для плавания во льдах пароходе “Челюскин” вышла из Ленинграда, пытаясь за одну навигацию пройти Северным морским путем. Им это почти удалось, но 13 февраля 1934 года в Чукотском море пароход затонул, на льдине оказались 104 человека, из них десять женщин и двое детей. Но благодаря героизму лётчиков, семеро из которых стали первыми Героями Советского Союза: Водопьянов, Слепнев, Каманин, Молоков, Доронин, Ляпидевский, Леваневский, – трагедию превратили в триумф. Случилось так, что подготовкой космонавтов руководил один из той плеяды первых Героев Советского Союза, Николай Петрович Каманин.

Вспоминая предвоенное время, Анна Тимофеевна говорила, что многие мечтающие о небе ребята наизусть знали стихи о Михаиле Водопьянове, который первым из советских лётчиков произвёл посадку на льдину, находящуюся на Северном полюсе:

*Я хочу, как Водопьянов, быть страны своей пилотом.
Чтоб лететь среди туманов, управляя самолётом.*

“Даёшь Магнитку!”, “Даёшь Днепрогэс!”, “Даёшь Кузбасс!” – звучало тогда по всей стране. Лётчики, инженеры, учёные, каждый по-своему пытались внести свою лепту в дело прославления страны.

Это было время ватных телогреек и вельветок, солдатских гимнастёрок и кирзовых сапог, коротких стрижек, беретов и красных платков. Это было суровое, жестокое, но одновременно и героическое время. В те времена люди умели и любили собираться вместе, а телевизор и прочие полезные на первый взгляд вещи ещё не развели всех по отдельным квартирам. Люди ходили в кино, как на праздник, а потом долго, с подробностями пересказывали увиденное.

В те годы новости на село обычно приносило радио. Репродукторы были похожи на больше картонные тарелки, их устанавливали на сельских клубах, а потом они появились и в домах. Работали они круглосуточно, из них узнавали о победах нашего народа на трудовом фронте, о героических свершениях Алексея Стаханова, Паши Ангелиной, Марии Демченко, четверки папанинцев, о героическом перелёте через Северный полюс экипажей Валерия Чкалова и Михаила Громова, смелых лётчиц Валентины Гризодубовой, Полины Осипенко, Марины Расковой.

Для всей страны эти имена становились родными и близкими.

Почти каждый мальчишка, да что там мальчишка, и многие девчонки мечтали подняться в небо. По всей стране звучали призывы: “Комсомолец, на самолёт!” И в авиацию шли тысячи и тысячи самых преданных небу и своей мечте молодых людей, которых, без всякого преувеличения, можно было назвать цветом народа.

Когда настал черёд Юры Гагарина идти в школу, война пришла на нашу землю и затронула всех. Лихое время научило его сверстников многому, но главным стало то, что они научились выживать вместе со всеми, брать на себя, на свои плечи заботы не только о родных, но и о живущих рядом людях.

Подготовленные в довоенных кружках Осоавиахима вчерашние подростки составили костяк Военно-воздушных сил Красной армии, и вскоре им предстояло сразиться в воздушных боях с лучшими асами Геринга. Героями Советского Союза стали тысячи лётчиков, а Иван Кожедуб и Александр Покрышкин – символами отечественной авиации.

Конечно же, как и всем послевоенным мальчишкам, Юрию Гагарину хотелось стать лётчиком. А для этого нужно было совсем немного. Главное, чтобы было здоровье, среднее образование, желание летать и любить однажды выбранную профессию.

Сегодня, взвешивая и оценивая, чего в то время было больше и чего тогда не доставало, можно сказать: не хватало многого, но было главное: уверенность в завтрашнем дне.

В феврале 1957 года, в преддверии Всемирного фестиваля молодёжи и студентов, который летом должен был пройти в Москве, вышло постановление Совета Министров о цветном телевидении. Постепенно и у нас в магазинах стали появляться в продаже телевизоры, и в нашу жизнь, в наши квартиры пришёл голубой “ящик”. Журналисты тут же назвали его окном в мир, но мир этот был ограничен, как вещали западные станции, рамками “железного занавеса”. И это было оправданно. Тогда телеканалы, а их было всего два, не преподносили с экранов пьянства и эротики как “достижение свободного общества”. После пережитой войны и тех испытаний, которые выпали на долю нашего народа, всё воспринималось без оков: подлость воспринималась как подлость, трусость – трусостью, добро – добром.

Почти одновременно с цветным телевидением в пятидесятые годы в журналах, на страницах газет начала появляться военная проза: Юрия Бондарева, Василя Быкова, Константина Воробьёва, Евгения Носова, Владимира Карпова. И всё, что там мы находили, казалось простым и понятным: вот враг, а вот они, вчерашние мальчишки, став лейтенантами, учат сами и учат побеждать нас. Но то, что стало понятно лейтенантам, хотелось примерить и найти в себе. А вот этого не получалось, в общем-то книги не инструкции, а жизнь не подчиняется некой химической формуле с уже известным результатом в конце.

Так же, как и все, Юрий читал книги, занимался спортом, учил уроки, мастерил модели, бегал в ближайший кинотеатр.

В 1957 году на экраны вышел фильм режиссера Михаила Калатозова по сценарию Виктора Розова “Летят журавли”, который на международном Каннском кинофестивале получил “Золотую пальмовую ветвь”. Летом того же, 1957 года в Москве прошёл фестиваль молодёжи и студентов, и это тоже стало огромным прорывом в сознании людей, уже Запад пожаловал в нашу столицу и увидел, что и у нас есть чему поучиться, а песня “Подмосковные вечера” стала мировым хитом. Затем последовал запуск искусственного спутника. Всё это складывалось в одну духоподъемную линию, которая тогда шла по нарастающей. Юрий Гагарин и его друзья, будь то в техникуме или в лётном училище, те победы воспринимали как свои собственные.

1 сентября 1947 года Юра Гагарин пошёл в пятый класс средней школы и стал пионером. И вскоре был избран председателем совета пионерского отряда класса. В то время все его мысли были вокруг Гжатска, его уличных и школьных друзей. В школе одним из любимых предметов Гагарина была физика, может быть, оттого, что преподаватель её Лев Михайлович Беспалов во время войны служил в авиационных частях, и это поднимало его в глазах ребят на недосягаемую высоту.

В это время шла война в Корее, и Беспалов говорил учащимся, что вместе с корейской армией на дальневосточных рубежах сражаются китайские добровольцы. Ещё были близки впечатления от только что закончившейся Великой Отечественной войны, и ребята всё ещё находили за селом неразорвавшиеся мины и снаряды. Собрав их в кучу, они бросали эти опасные игрушки в костер и, разбегаясь, прятались по кустам. Снаряды и патроны разрывались, и Юра Гагарин, возбужденно переговариваясь с друзьями, шёл смотреть, что осталось от костра.

Многие родители и не догадывались, чем занимаются их дети. А они выковыривали порох из патронов, поджигали его, наслаждаясь тошнотворным запахом серы. А когда находили гранаты, то бросали их в реку, глушили рыбу, чтобы потом собрать её, плывущую по течению, и сварить уху или поджарить на костре. Некоторые парни пытались мастерить ракеты, заполняя обрезки металлических труб всё тем же порохом. Чаще всего эти самодельные ракеты взрывались не взлетев. Бывало, что двор Гагариных, вернее, подсобка, где хранились плотницкие инструменты отца, Алексея Ивановича Гагарина, превращалась в мастерскую по изготовлению из обрезков досок сабель, пистолетов и автоматов. Лучше всего получалось у Юры Гагарина, это и понятно, как-никак, отец плотник. Именно здесь, на зависть всем друзьям, он смастерил деревянную модель самолёта Миг-15, ещё не зная, что впоследствии ему придётся летать на этих истребителях.

Начавшаяся война в Корее часто упоминалась в разговорах взрослых. “Ушёл в сторону моря”, – так писали газеты об американских самолётах, которые нарушали наше воздушное пространство, а иногда, как это было под Владивостоком, даже бомбили аэродром на Сухой речке. Кое-кто из знающих намекал, что наши лётчики участвуют в воздушных боях, прикрывая от американских самолетов территорию Китая и Северной Кореи.

Так в городских дворах и на сельских улицах подрастало и проходило практику поколение мальчишек, многие из которых стали инженерами, конструкторами, лётчиками, шоферами, токарями. Но находились и такие, которым хотелось жить легко и просто, брать то, что лежит плохо. Происходил естественный отбор, но, следует отметить, не стихийно, а направленно государство старалось направить неуёмную ребячью энергию в контролируемое русло. Для миллионов мальчишек и девчонок открывались профессионально-технические училища, строились новые школы и институты. Государство брало на себя расходы, давало место в общежитии, выделяло форменную одежду, выплачивало стипендию. И всё это возвращалось сторицей.

В ту пору после семилетки образование было платным, но уже с середины пятидесятых годов все расходы государство взяло на себя. Иди, учись, все двери тебе открыты.

Все, кто помнил Юрия Гагарина, отмечали его целеустремленность. Особенно ярко это проявилось, когда он поступал в Люберецкое ремесленное училище.

В начале пятидесятых годов даже в “ремеслуху” попасть было непросто, для этого надо было иметь семилетнее образование. А у Юрия было всего шесть классов. А еще нужно было пройти обязательный конкурс. Юра понимал, что родители не смогут дать ему высшее образование. Он решил вначале приобрести рабочую специальность, чтобы уже самому помогать родителям. Поступить в училище ему помогла двоюродная сестра Тоня. Приехав с Юрой в училище, она зашла прямо к заведующему и показала табель успеваемости брата. Там были почти одни пятерки. После этого она выскочила к Юрию в коридор и коротко спросила:

– Можешь сдавать сейчас? Готовиться некогда.

И Юрий сдал экзамены без подготовки. Сегодня скажи кому, что в ремесленные училища существовал конкурс, нужно было сдавать экзамены, не поверят. А тогда это были престижные профессионально-технические училища. В основном они наполнялись ребятами из деревень, их привлекали новая форма, которую выдавали в училище, бесплатное питание, общежитие и гарантия того, что, закончив обучение, ты не останешься на улице.

25 августа 1949 года Гагарин был зачислен в Люберецкое ремесленное училище. Спустя много лет в училище припоминали: “Вакансия оставалась единственной – в литейную группу, где дым, пыль, огонь, тяжести... По силам ли такое мальчишке? Но он не только согласился, а настаивал, и мы его приняли”. Действительно, Юра поступил в группу, в которую не все-то охотно шли. И здесь он проявил характер и настойчивость. В сентябре Гагарин поступает в 7-й класс вечерней школы рабочей молодежи, который заканчивает с отличием, а в декабре того же года был принят в комсомол. Судьба не раз испытывала его, заставляла обязательно преодолевать препятствия. Судите сами: мечтал о Москве – очутился в Люберцах, хотел учиться на токаря или слесаря – зачислили в группу литейщиков.

Однажды москвич из группы токарей, рыжий парень, питавший к Юре симпатию, подвёл его к своему станку, быстро и толково объяснил, что такое передняя бабка, каретка, суппорт, резцедержатель, показал включение и даже разрешил попробовать поработать. Юрий нажал на чёрную кнопку, станок вздрогнул, патрон завертелся, и Юра, забыв про всё на свете, подвел к болванке резец. От металла тут же взвилась тонкая синевато-серебряная, как дождь на новогодней елке, стружка. Еще нажатие на штурвальчик – и новый фейерверк стали.

– Красота! – протянул Гагарин, неохотно отходя от станка.

Паренёк выдвинул из шкафа ящик и достал какие-то инструменты, похожие то ли на гаечные, то ли на разводные ключи.

– Это штангенциркули, – проговорил парень, не без гордости передвигающая хомутик линейки. – Один с точностью измерения десятая миллиметра, другой – пять сотых. Приходи еще, будем учиться растачивать втулки.

В литейный цех Юрий вернулся расстроенный, с тоской посмотрел на свои инструменты – трамбовки, напоминающие мастерки каменщиков и печников, счищальки – плоские деревянные скребки, щетки для очистки. Ему захотелось стать токарем, – там красивая работа. Но опытные литейщики объяснили ему, что профессия литейщика – одна из самых уважаемых в России.

Надо научиться преодолевать в себе слабость, и тогда не будет тебе в жизни никакой преграды. И Гагарин, спрятав свою слабость, учился преодолевать самого себя, те трудности, которые встречались на его пути...

В 1949 году часть своей первой зарплаты, триста рублей, Юрий решил отправить родителям, хотелось показать: он не нахлебник, а полноценный помощник в семье. Вся его последующая после полёта жизнь была подтверждением сказанному. Он почти никогда никому не отказывал в помощи и принимал самое деятельное участие в судьбе не только близких, но и зачастую не знакомых ему людей. А таких на его пути после его полёта оказались тысячи. Просьба, доброе слово Гагарина открывали все двери. Зная доброту и отзывчивость Юрия, многие пользовались этим.

Как и все мальчишки того времени, Юра активно занимался спортом. Имеются спортивные грамоты за победы на спартакиадах ремесленного училища. Юра пробежал стометровку с результатом 12,8 секунды, а в эстафете ещё быстрее – за 12,4 секунды. Рядом с ним всегда были его неразлучные друзья – Тимофей Чугунов и Александр Петушков.

В 1951 году, окончив семилетку и училище, друзья получили направление в Саратовский индустриальный техникум по той же специальности – литейщика-формовщика. Они оказались в числе 35 студентов, принятых на учёбу в техникум. Большинство сокурсников были старше Гагарина; учиться пришли даже бывшие фронтовики-орденоносцы. Трое друзей, прозванных “неразлучными москвичами”, оказались среди лучших студентов. Они много занимались математикой и мечтали приобрести логарифмическую линейку, стоившую довольно дорого.

Впервые в жизни у Гагарина появилось немного свободного времени. Саратов – красивый волжский город с богатыми культурными традициями, и Юрий ходил на спектакли оперного и драматических театров, любил смотреть кино и очень много читал. Больше всего ему нравился роман Льва Толстого “Война и мир”, но, кроме этого, он зачитывался также книгами Жюль Верна и Герберта Уэллса, рассказами Конан Дойла.

Летом 1952 года его направили воспитателем в пионерский лагерь, где он впервые попробовал себя в роли педагога. Его работа была оценена очень высоко, и на следующее лето Юрий Гагарин решением комсомольского бюро был назначен инструктором физкультуры в один из крупнейших в области пионерских лагерей. Сначала его активная деятельность многим детям и воспитателям не понравилась. Не все торопились выходить на зарядку, но очень быстро Юра заставил всех выбегать по свистку. Стал проводить соревнования с соседями.

В Саратовском техникуме его избирают председателем физико-технического кружка. В 1952 году его избирают секретарём комсомольского бюро техникума, и здесь же был назначен секретарем спортивного общества “Трудовые резервы”. Биография, которую мы заполняем, когда поступаем в институт или оформляемся на работу, по своей форме предполагает указать те события в жизни человека, которые, по его мнению, являются в прожитой жизни

основными: где и когда родился, кто были его родители, где учился, что закончил, чем награждён. И совсем редко в ней указывают черты характера, наклонности, что любил, был ли активен или отлынивал от выполнения общественных обязанностей. В биографии Гагарина бросается в глаза, что Юрий всегда был на виду: комсоргом, капитаном футбольной команды, членом комсомольского бюро техникума. Не думаю, что он сам, как порою говорят, лез в начальство. В силу своей природы, живого характера он не молчал там, где обсуждалась жизнь класса, школы, училища. И его живой ум отмечали сразу же и, как это водилось во все времена, выбирали своим лидером.

В феврале Юрий со своими однокашниками едет на стажировку в Москву, на завод имени Войкова, а потом в Ленинград, на завод “Вулкан”. В Ленинграде Гагарин с интересом знакомился с городом, где прошли школьные годы его матери.

После возвращения в Саратов у него появляется новое увлечение – авиация. Саратовский друг по учёбе в техникуме Виктор Порохня вспоминает, что вначале у них была мысль поступить в Краснокутское лётное училище ГВФ. Но туда брали только при наличии десятилетки или законченного техникумовского образования. Кто знает, может, стал бы Гагарин классным гражданским лётчиком, но судьба, как в свое время Королёва, готовила его для другого...

26 октября 1954 года он вместе со своими друзьями поступил в Саратовский аэроклуб. Курсантов разбили по группам. Гагарина зачислили в отряд Анатолия Васильевича Великанова.

Когда я узнал, что Гагарин был зачислен в шестую лётную группу, мне припомнилась наша, тоже шестая лётная группа в Бугурусланском лётном училище. И командиром у нас был лётчик, понюхавший пороха в небе Великой Отечественной войны, – Андрей Владимирович Быценко. Командиром же у Гагарина стал Герой Советского Союза Сергей Иванович Сафронов, однофамилец прославленного лётчика-истребителя в Заполярье Бориса Сафронова. Лётчиком-инструктором у Гагарина стал Дмитрий Павлович Мартьянов. А начальником Саратовского аэроклуба был Герой Советского Союза Григорий Кириллович Денисенко. Уже одно наличие таких прославленных асов говорило о том, что Гагарин попал не в простой аэроклуб. Здесь, в Саратове, умели привить курсантам настоящую любовь к небу. Каждому человеку выпадает в жизни шанс, надо только верно им распорядиться. Но для этого надо разглядеть его и приложить немалые усилия, чтобы реализовать, не упустить этот шанс. Своим шансом Гагарин воспользовался сполна.

Поступить в аэроклуб и получить таких наставников – это был даже не шанс, а подарок судьбы. А уж если они похвалили, то, значит, ты на самом деле чего-то стоишь. И, конечно же, особняком в биографии летчика стоит тот день, когда он увидел землю с высоты птичьего полета. Таким днём для Гагарина стал первый парашютный прыжок с самолета По-2. Случилось это 18 мая 1955 года.

Ночь накануне прыжков прошла для Гагарина спокойно. Еще бы, утром ехать на аэродром, где первый раз в жизни тебя поднимут в воздух, чтобы сделать обязательный парашютный прыжок. Да не один. Курсант должен уметь управлять парашютом и, в случае опасности, покидать самолет. Многие летчики не любили доверять, как они говорили, свою жизнь тряпке. Но это была отличная возможность проверить себя: сможешь ли ты преодолеть в себе чувство страха и перешагнуть черту, которая отделяет тебя от всех остальных, предпочитающих передвигаться по земле на своих двоих. Когда рассвело, Юрий привычно вместе со всеми умылся, почистил зубы и прислушался к себе. Всё, как и прежде, пульс в норме, сердце – его не слышно, значит, всё в порядке. Они собрались на аэродроме вместе с девушками, тоже аэроклубовками, подшучивали друг над другом. Как и все, Юрий делал вид, что прыжок с парашютом для него – дело простое, не страшнее, чем прыгнуть с крыши дома или с крыши идущего поезда. Но, как только стали надевать парашюты, руки разоблачили сами себя – никак у него не ладилось с лямками и карабинами. Несколько раз Юрий надевал его раньше, тренируясь, залезал в подвесную систему, всё вроде знакомо; сзади – большой ранец с основным парашютом, спереди – ранец поменьше, с запасным. Наконец всё надето, закреплено, проверено. Теперь самое трудное – ожидание. Первый прыжок – это первый шаг в неизведанное.

“У меня аж дух захватило! – вспоминал Гагарин о своём первом парашютном прыжке. – Как-никак это был мой первый полёт, который надо было за-

кончить прыжком с парашютом. Я уже не помню, как мы взлетели, как По-2 очутился на заданной высоте. Только вижу, инструктор показывает рукой: вылезай, мол, на крыло. Ну, выбрался я кое-как из кабины, встал на плоскость и крепко уцепился обеими руками за бортик кабины. А на землю и взглянуть страшно: она где-то внизу, далеко-далеко... Жутковато...

— Не дрейфь, Юрий, девчонки снизу смотрят! — крикнул инструктор. — Готов?

— Готов! — отвечаю.

— Ну, пошёл!

Оттолкнулся я от шершавого борта самолета, как учили, и ринулся вниз, словно в пропасть. Дёрнул за кольцо. А парашют не открывается. Хочу крикнуть и не могу: воздух дыхание забивает. И рука тут невольно тянулась к кольцу запасного парашюта. Где же оно? Где? И вдруг сильный рывок. И тишина. Я плавно раскачиваюсь в небе под белым куполом основного парашюта, открылся, конечно, вовремя — это я уже слишком рано стал думать о запасном”.

Юрий скользил по упругому воздуху, глядя на ровную, точно выглаженную уютгом землю. Она казалась такой близкой, что хотелось потрогать — ногой. Слева была Волга, — он не знал, что через каких-то пять лет они вместе с другими космонавтами пробудут здесь, на саратовской земле, не один день. Почти ежедневно их будут поднимать в небо маленькие Ан-2, и опытные наставники-инструктора будут отрабатывать технику приземления на парашюте. Возвращение с орбиты предполагало на заключительном этапе парашютное приземление.

А сейчас, после первого покидания самолета, когда над ним, упруго натянув стропы, стоял купол парашюта, ему хотелось беспричинно кричать, петь и смеяться.

— Ну что, тверда земля? — спросили его после приземления.

— Да что вы! Ударила неожиданно, но терпимо.

— Хорошо, что не было ветра, — улыбнулись бывалые. — А то потащило бы по полю.

— Я бы погасил, — заулыбался в ответ Гагарин. — Подтянул бы на себя нижние стропы.

— Правильно, — похвалил его подошедший Мартьянов.

После прыжков надо бежать сломя голову в техникум, уже начались экзамены, а Дмитрий Павлович Мартьянов, конечно, об этом не знает. Спрашивает, приглядевшись к ученику:

— Хочешь полетать?

— Конечно, хочу!

Гагарин вскочил, вытянулся в струнку перед командиром. На что же такое похожа эта птица, поблескивающая дюралем и плексигласом кабины? Ах да, на ту, что встречал на клушинской луговине! Но у той машины были острый нос и пулемёты. Учебный “Як” — с виду вполне доступная машина. Лётное поле покрыто короткой зеленой травой. Оно довольно ровное и расположено на горе. С одной стороны его ограничивают лесопосадки, другим концом оно упирается в овраг. За ним церковь, на ней колокольня и крест. Но с лётного поля виден только крест. И вот на Гагарина надели парашют. Юрий забрался в кабину, пристегнулся. Вырулили на старт. Всё делает инструктор Мартьянов. Юрий смотрит по сторонам и за приборами. Короткий разбег — и вот они в воздухе. Земля замедляет бег, выравнивается и вдруг неожиданно ползёт куда-то в сторону. Пытаюсь сохранить вертикальное положение, Гагарин инстинктивно отклонился в сторону и упёрся головой в фонарь. Но через мгновение понял, что делать этого не следует. Через несколько минут набрав высоту, Мартьянов сделал переворот, на выходе крутанул бочку, затем боевым ушел вверх, перевернул самолёт. И вот они несутся вертикально вниз. Земля на глазах растягивается, как резиновая. А под ним, точно из огромной, во весь земной шар камеры, казалось, выпускают воздух, который куда-то за хвост отбрасывает винт. Ощущение приятное и неприятное одновременно. Что запомнилось ему ещё? Наверное, когда инструктор после горки перевёл самолет в отвесное пикирование. Они летели вниз, как с огромной качели, и вновь зелень полей надвигалась с невероятной скоростью, Юрию казалось, до земли осталась самая малость, еще миг, и они уткнутся, вмажутся в нее, как со всего маху разлетается брошенное в стену яйцо. На всю жизнь он запомнил это одновременное ощущение ужаса и восторга. С огромной скоро-

стью он летел к земле лицом, не было привычного горизонта, чуть внизу приборная доска, стекло фонаря, а за ним расплзающаяся во весь видимый мир земля. И казалось, что от неё не уйти, не отвернуть. Но вот какая-то нечеловеческая сила начала вдавливать его в сиденье. Невозможно поднять руку. Нос самолета уходит от земли, пересекает линию горизонта, не останавливаясь, задирается еще дальше вверх, Гагарин начинает цепляться за привязные ремни. И вдруг небо опрокидывается за голову, и самолет вновь несется к земле. Ему вновь кажется, что до неё подать рукой и самолёту может не хватить высоты, но вот впереди откуда-то сверху выплывает линия горизонта, и Юрий догадывается, что они выполнили знаменитую петлю Нестерова. Нет, Гагарин не сидел в кабине мешком, он ловил любую подробность, смотрел, как ведёт себя самолёт в том или ином режиме, укладывая свои собственные ощущения в отдельный уголок, он знал: всё это, уже уложенное в определенном порядке, пригодится ему в последующих полётах. Конечно же, он и не предполагал, что инструктор продемонстрирует ему в первом же ознакомительном полете все фигуры высшего пилотажа, покажет не только себя, но и возможности крылатой машины...

После приземления к самолету подбежали друзья.

— Ну что, похвастался завтраком? — участливо, но с ехидцей спросили они.

— Всё нормально, — ответил Гагарин.

В последовавших после этого полётах Юрий уже научился по шуму кабина воздуха определять скорость и плотность, когда самолёт, уходя в петлю, задирает свой нос в зенит, он по слабине привязных ремней ощущал, что земное тяготение гораздо сильнее надрывного стрекота мотора, воздух на крыльях слабел, его недавняя упругость и плотность, сравнимая с упругостью жидкой резины, пропадала, парашют под ягодицами уже не казался налитым свинцом, а свободно висел где-то между небом и подвешенным на ремнях телом. Но уже через секунду-другую, миновав верхнюю точку, самолёт вновь набирал скорость, и винт уже не царапал слабенький, разжиженный воздух, а врезался в него, как штопор в огромную прозрачную пробку, показывая, что и у него есть плотность и немалая сила. Вот так на практике он реально постигал законы аэродинамики и физики. И восхищался человеческим умом, который приспособил эти законы для своей пользы, изобрел чудесную воздушную машину, в которую неожиданно попал и он, вчерашний деревенский паренёк.

Лётчики любят подначки, проверяя зелёных юнцов на сообразительность. Однажды во время предполётной подготовки инструктор пригласил Гагарина к доске и, попросив написать аэродинамическую формулу прямолинейного горизонтального полета, неожиданно спросил:

— Вот вы, товарищ курсант, утверждаете, что во время установившегося горизонтального полета сила тяги уравновешена лобовым сопротивлением. Тогда объясните: почему самолёт не останавливается, а продолжает движение?

— Самолёт продолжает движение за счет инерции, — подумав немного, ответил Гагарин.

— Молодо, но не зелено, — похвалил его инструктор. И, помолчав, добавил: — Иногда даже опытные лётчики не в силах правильно ответить на этот, казалось бы, простой вопрос.

В свободное время курсанты аэроклуба, поглядывая свысока на девчонков, пели шутилку курсантскую на мотив очень популярной в те годы песни “За два сольдо, за два гроша”:

*...Эта песня о курсантах, о пилотах,
Эта песня о безграмотных полётах,
Эту песню, сочинённую на старте,
Я для вас, друзья курсанты, пропою.
Самолёты все раздеты и разуты,
На линейку их прикатим за минуту,
А потом зарядим наши парашюты
И в столовую бежим, как на пожар...*

Вот через такие самодельные, воспевающие полёты песни, через авиационные байки, общение с бывальыми лётчиками курсанты аэроклуба приобщались к лётному братству, где единственной любовью и мерилом всему бы-

ло небо. Но его еще предстояло покорить. И здесь Юрия поджидала первая неприятность, связанная с его лётным обучением. Здесь, как и после первой в жизни школьной линейки, все начинают одинаково: первые уроки, первые оценки. Но у одних пятерки, а у других тройки и даже колы. С теорией у Гагарина было всё в порядке, одни пятёрки. Но когда дело дошло до полётов, то начались неприятности. Главными для курсанта перед выпуском в самостоятельный полёт были построение прямоугольного маршрута и заход на посадку, определение высоты выравнивания и плавное касание земли при посадке. В первых же полётах Юрий не сумел зафиксировать в своей памяти необходимую высоту выравнивания и начинал движение ручкой управления намного раньше, чем надо. Происходили высокое выравнивание и, как следствие, грубая посадка. Попытки исправить ошибку и подвести самолёт поближе к земле прерывались инструктором, он, иной раз применяя нецензурную лексику, вырывал машину у самой земли, самолёт взмывал, бывало, что при этом колеса задевали землю и получался классический “козёл”. И это продолжалось из полёта в полёт. Инструктор даже подумывал об отчислении Юрия из аэроклуба. Чего возиться с неумехой, понапрасну жечь бензин, когда вон, только свистни, как на место Гагарина прибегут сотни других. Юрий чувствовал, что его лётной карьере грозит серьёзная опасность, но поменять что-то самому было уже почти поздно. Он сидел на старте, смотрел, как друзья взлетают, строят “коробочку”, выполняют четвёртый, последний разворот и садятся у посадочного “Т”. Всё у них получалось ладно, они вылезали из кабины со счастливыми, радостными лицами. “Что же я делаю не так? – думал он. – Почему у них получается, а у меня одни ошибки?” На уме у Гагарина почему-то вертелась шуточная авиационная песенка про неудачные курсантские полёты. Ему казалось, что эту песню сочинили про него:

*Даю я газ решительно,
Земля летит стремительно,
Контрольный мне доверили полёт.
Машина успокоена,
“Коробочка” построена,
Утюжу я воздушный океан.
Но вот беда случилась —
“Коробочка” скривилась,
И вышел из коробки чемодан...*

Но Юрию повезло, инструктор не стал торопиться с отчислением, а сам Юрий сумел настроиться и проанализировать свои ошибки. Через несколько дней начальник лётной части Константин Филимонович Пучик, слетав с Гагариным, пошёл к Великанову и уговорил слетать с Юрием, чтобы тот убедился: годен парень к полётам.

Понимая, что другого шанса уже не будет, Гагарин сумел на этот раз собраться и слетал с Великановым безукоризненно.

— Вы что же, Гагарин, притворялись никак? – спросил его уже на земле Анатолий Васильевич. — Значит, когда в кабине начальство, поэтому и не ошиблись ни разу? Так не пойдёт. Летайте без нас, командиров.

Мартьянов не сел, как обычно, в “шестёрку желтую”, а, оставаясь, сказал: — Полетишь один.

“Я вырулил на линию старта, дал газ, поднял хвост машины, и она плавно оторвалась от земли, — вспоминал о том полёте Юрий. — Меня охватило трудно передаваемое чувство небывалого восторга. Лечу! Лечу сам! Только авиаторам понятны переживания, связанные с ощущениями первого самостоятельного полёта... Сделал круг над аэродромом, рассчитал посадку и приземлил самолёт возле посадочного знака. Сел точно. Настроение бодрое. Вся душа поёт.

— Молодец, — сказал инструктор, — поздравляю!

Мы шли по аэродрому, а в ушах продолжала звенеть музыка полёта. А на следующий день товарищи говорят:

— Знаешь, о тебе написали в газете...

Юрий недоверчиво глянул на товарища. Ну что такого он сделал, чтобы о нём писала газета? Но тот тут же развернул местную газету “Заря молодёжи” и громко прочитал:

“5 часов утра. Мы на аэродроме саратовского аэроклуба... Начинается подготовка к полётам. В этот день программа разнообразна. Одни будут отрабаты- вать полёт, другие – посадку, третьи пойдут в зону, где им предстоит выполнять различные фигуры пилотажа.

Сегодня учащийся индустриального техникума комсомолец Юрий Гагарин совершает свой первый самостоятельный полёт. Юноша волнуется. Но движения его чётки и уверенны. Перед полётом он тщательно осматривает кабину, проверяет приборы и только после этого выводит свой Як-18 на линию исполнительного старта. Гагарин поднимает правую руку, спрашивает разрешения на взлёт.

– Взлёт разрешаю, – передает по радио руководитель полётов К. Ф. Пучик. В воздух одна за другой взмывают машины...”

Через несколько дней Юрию удалось достать этот номер газеты и послать родителям в Гжатск. Мать в ответ написала: “Мы гордимся тобой, сынок... Но смотри, не зазнавайся...”.

А он и не зазнавался. И отныне его мысли были подчинены одному – летать.

В июне 1955 года Юрий защитил диплом и сдал экзамены в техникуме с оценкой “отлично”, получив квалификацию механика литейного производства, мастера производственного обучения. А уже 24 сентября выполнил зачетный полет в аэроклубе после окончания лётной программы. Саратов дал ему всё, что он хотел взять. Теперь ему предстояло брать другие высоты. 25 октября он приехал в Оренбург (Чкалов) и был принят в 1-е Чкаловское военное авиационное училище имени Клим Ворошилова (ЧВАУЛ) и стал курсантом. 8 января 1956 года Юрий принял воинскую присягу. Вскоре нескольких курсантов отчислили со второго курса по состоянию здоровья, и Гагарина, уже имеющего лётную практику, перевели в группу с двухгодичным сроком обучения. И вскоре его назначают помощником командира взвода.

Требовательность Гагарина к товарищам в январе 1957 года привела к конфликту. Трое однокурсников устроили ему “тёмную”, так что Юрию Алексеевичу пришлось целый месяц провести в больнице, а на злоумышленников завели уголовное дело. Не раз приходилось слышать, как многие парни, да что там парни, зрелые мужи с гордостью рассказывают о своих похождениях, самоволках, выпивках в кустах и своих мнимых победах над “слабым полом”. Гагарин не был ханжой, служакой, выскочкой, он понимал, что требования устава, поддержание дисциплины есть необходимое требование для молодых людей, надевших военную форму, чтобы молодые ребята понимали: их собрали не в вольчую стаю, а для обучения любимому делу, где высшей целью будет готовность Родину защищать.

В 1956 году начались учебные полёты. Они проводились на усовершенствованном Як-18.

В училище, помимо обучения лётному делу, большое внимание уделялось физической подготовке. Гагарин, как всегда, был в числе лучших: на соревнованиях между эскадрильями он завоевал первые места по гимнастике, баскетболу, волейболу и в беге на сто метров.

В ту пору в Советском Союзе существовала одна из лучших в мире систем отбора и подготовки авиационных кадров. Более трёх тысяч лётчиков ежегодно пополняли авиационные полки, эскадрильи и отряды гражданской авиации. Она включала в себя специализированные лётные школы, аэроклубы, лётные училища. Конкурс в лётные училища был огромен, бывало до двадцати человек на одно место. И это среди тех, кто прошёл медицинскую комиссию и был признан годным к лётному обучению. Для тех, кто попадал в избранные, небо становилось точкой отсчёта уже новой, полной особого смысла жизни. Каждый лётчик мечтал освоить новую, более современную авиационную технику и подняться на собственную орбиту.

Почувствовав, что курсант готов к самостоятельному полёту, инструктор доложил командиру эскадрильи. Тот дал добро на полёт. Сообщив Гагарину, что тот допущен к выполнению самостоятельного полёта, инструктор завязал ремни в задней кабине и хлопнул курсанта по плечу, мол, давай, не подведи меня. Пока Юрий рулил на исполнительный старт, друзья по лётной группе в квадрате разложили пачки сигарет с позывными Гагарина. Прикурив, смотрели, как он производит взлёт, как строит “коробочку”, как заходит на посадку, выравнивает и сажает истребитель. После заруливания они побежали встре-

чать его. Но первым, как это и положено, к самолёту подошел инструктор. Он пожал Юрию руку, следом то же самое сделали друзья-однокашники. Свершилось! С этой минуты, этого дня он — лётчик! С первого самостоятельного полета начинали все, от Чкалова до Покрышкина. Теперь пришёл его черед. По давней лётной традиции Гагарин с пачкой “Казбека” пошёл к машине руководителя полётов, где собралось начальство, начал угощать инструктора, командира эскадрильи, руководителя полётов.

*На старте задымились вылетные,
Все стихло в ожидании команд, —
Еще одну затяжку, и на вылет,
Так пожелай мне счастья, лейтенант!*

Когда подойдёт отпуск, Гагарин приедет в Гжатск, пройдёт в форме по родной улице, по которой он когда-то бегал босиком, гонял мяч, ездил на велосипеде, ходил в школу. С каждым, кто ему встретится по дороге, он поздоровается за ручку. Особая честь старикам. Те будут подниматься с лавок, отдавая честь лётчику. Не забудет он и родной школы, при первой возможности, начистив сапоги и пришив свежий подворотничок, Юрий пойдёт туда, чтобы встретиться и поговорить с учителями. . .

6 ноября 1957 года он окончил по первому разряду Чкаловское военное лётное училище с квалификацией “пилот-техник”, и ему было присвоено воинское звание лейтенанта Советской армии. Как это водится, событие это было обставлено со всеми принятыми почестями, наставлениями инструкторов, речами отцов-командиров и в заключение обмыванием лейтенантских звездочек в столовой училища.

А в это время южнее Саратова, на полигоне Капустин Яр уходили в небо ракеты. Юрий ещё не знал, что в проектах уже есть чертёж корабля, на котором он облетит земной шар.

Ещё курсантом в январе 1956 года Юра познакомился со своей будущей женой, Валентиной Горячевой. Кстати, поначалу он ей совсем не понравился. Маленький, стриженный наголо. Ну, в общем, не красавец! Но было в нём что-то такое, что Валентину потянуло к этому весёлому, с ясными глазами пареньку.

Вот как вспоминает жена Гагарина Валентина знакомство с будущим своим мужем: “Я хорошо помню тот вечер в авиационном училище, кружащиеся в танце пары, музыку и вдруг появившуюся группу курсантов-первогодков, стриженных, суетливых, возбужденных своим первым выходом “в свет” после карантина.

Я его увидела, когда он пригласил меня танцевать. Вёл легко, уверенно и сыпал бесконечными вопросами: “Как вас зовут? Откуда вы? Учитесь или работаете? Часто ли бываете на вечерах в училище? Нравится ли это танго? . . .” Потом был другой танец, третий. . . В десять часов музыка смолкла. Он проводил меня до выхода и, словно мы уже обо всём договорились, сказал:

— Итак, до следующего воскресенья.

Я промолчала. Уже дома подумала: “А почему я должна встречаться с этим лысым? И вообще, почему он держится так уверенно? Знакомы мы всего один день. . .”

В следующее воскресенье мы пошли в кино. Не помню, какой фильм мы смотрели, но в отношении к нему наши взгляды разошлись. Сначала спорили, доказывали друг другу свою точку зрения, но потом разговор стал совсем скучным. Долго шли молча. Около нашего дома он так же, как и в тот, первый вечер, сказал:

— Итак, до следующего воскресенья. Пойдём. . . — Вот тут он замолчал и посмотрел на меня. Посмотрел и добавил: — Пойдём в гости.

— Это к кому же, — удивилась я, — к нам, что ли?

— К вам.

Сказал он это просто, непринужденно, словно я сама пригласила его, словно мы давным-давно знаем друг друга. Позднее, когда я лучше узнала Юру, мне стало ясно, что это одно из самых примечательных свойств его характера. Юра легко и свободно сходил с людьми, быстро осваивался в любой обстановке, и, какое бы общество ни собиралось, он сразу же становился в нём своим, чувствовал себя, как рыба в воде.

В ту пору нам было по двадцать. Далеко идущих планов мы не строили, чувства свои скрывали, немного стеснялись друг друга. Сказать, что я любила его сразу, значит, сказать неправду. Внешне он не выделялся среди других. Напротив, ребята-старшекурсники выглядели более степенно, причёски их делали более привлекательными, девчонкам они нравились больше. Ну а мой кавалер? Мой “лысый”? Не сразу я поняла, что этот человек если уж станет другом, то станет на всю жизнь. Но когда поняла...

Много было у нас встреч, много разговоров по душам, долго мы приглядывались друг к другу, прежде чем приняли решение связать навсегда свои жизни и судьбы”.

В Оренбурге у Гагарина был один непростой момент, когда он мог поставить крест на своей лётной карьере. Как-то Юрий узнал, что срок учёбы в училище продлевают на один год, и тогда он решил бросить училище и поехать в Томск работать на заводе. Тем более друзья по Саратовскому техникуму писали, что в этом сибирском городе требуются литейщики. Сомнения Гагарина были вполне оправданны, в то время ему уже было двадцать три года, сколько же ещё можно учиться и сидеть на шее государства? Мне кажется, здесь Гагарин вступал в противоречие с самим собой, природная деревенская закваска подсказывала: надо отдавать то, что в тебя вкладывали, помогать родителям. А тут всё стол да парта. Не знал он, что ему придётся учиться всю свою короткую жизнь. Но именно она, Валя, настояла, чтобы он продолжил учёбу.

Сразу же после окончания училища они с Валею сыграли свадьбу: одну в Оренбурге, у Горячевых, другую в Гжатске, куда они приехали во время Юриногo отпуска.

В декабре 1957 года Юрий Гагарин вместе с другом по лётному училищу Юрой Дергуновым прибыл в 769-й истребительно-авиационный полк 122-й истребительно-авиационной дивизии Краснознаменного Северного флота. Часть была расквартирована в поселке Лаостари-Новое Мурманской области. Вскоре к нему приехала и Валя.

Уже в марте 1958 года после необходимой наземной подготовки и сдачи зачетов Юрий приступил к полётам на самолётах УТИ-Миг-15 и Миг-15-бис.

6 апреля 1958 года Гагарин выполнил первый самостоятельный полёт в Заполярье, а 7 июля 1959 года получил квалификацию “Военный лётчик 3-го класса”.

Поднимаясь в небо Заполярья, Гагарин еще раз убедился, что карты не врут. Узенькие ниточки рек, маленькие, похожие на наросты поселки, тёмная шерсть тундры, которая упиралась в белую скатерть снегов, а дальше к северу тёмный скалистый берег, колотый мрамор льдов и металлическое литьё безбрежного Ледовитого океана. И небо здесь было совершенно иным, чем в Саратове или Оренбурге. То, что полёты в Заполярье требуют особой подготовки и внимания, он понял во время первых же своих самостоятельных вылетов. В один из дней, когда Гагарин отрабатывал задание в “зоне”, непогода за считанные минуты закрыла аэродром. Топливо было на исходе, уйти на запасной уже не было возможности. Но Юрий вышел на привод, построил “коробочку” и посадил свою машину на полосу в условиях ограниченной видимости. Такие полёты дают летчику многое, главное – уверенность в своих силах. Бывает, что лётчик совершит десятки полётов при видимости миллион на миллион. И будет считать себя асом. Но это до первой проверки по-настоящему сложной погодой.

Сразу же после запуска первого искусственного спутника Президент Соединенных Штатов Америки Эйзенхауэр не посчитал зазорным послать своих специалистов изучать систему образования и подготовки кадров в Советском Союзе, а президент Кеннеди – перенять государственную систему патриотического воспитания молодежи. Соревнование двух систем шло на всех уровнях. Во всём мире следили за поистине космическими прыжками в высоту американского прыгуна Джона Томаса, основным соперником которого был наш спортсмен Валерий Брумель. С восхищением воспринимались победы нашего штангиста Юрия Власова над американским тяжелоатлетом Паулем Андерсеном, огорчались поражением советских хоккеистов на Олимпиаде в Скво-Вэлли в финальном матче с американцами, прониклись уважением к американским морякам, которые в Тихом океане нашли и спасли четверых наших солдат: Зиганшина, Поплавского, Крючкова, Федотова.

После запуска в СССР третьей космической ракеты, которая обогнула Луну, сфотографировала её невидимую с Земли часть и передала фотографии на Землю, Гагарин, услышав эту новость по радио, подал рапорт по команде с просьбой зачислить его в группу кандидатов в космонавты. Подобные рапорта в те дни писали многие: лётчики, моряки, парашютисты, спортсмены... Но только после принятия решения на Политбюро о начале подготовки пилотируемого полёта с космонавтом на борту начался отбор кандидатов в космонавты. Было предложение набирать их среди лётчиков-испытателей, но у Сергея Павловича Королёва на этот счёт было свое мнение. И приоритет был отдан лётчикам-истребителям. Главными критериями отбора были возраст – не старше тридцати, рост, вес и отличное здоровье. Но это должна была определить специальная медицинская комиссия.

Вскоре подавшего рапорт Гагарина вызвали в Москву. Произошло это в начале 1960 года. Первым на медицинскую комиссию приехал Павел Попович, он со своей природенной обстоятельностью всё разузнал и уже на правах старожила встречал и объяснял вновь прибывшим, куда идти и к кому обращаться. Прибывших на медицинскую комиссию и собеседование лётчиков разместили в приспособленном для этого двухэтажном здании напротив метро “Динамо”. На первом этаже находились административные помещения, а на втором были комнаты для лётного состава. Там же была оборудована столовая.

Как вспоминает сам Гагарин, комиссия оказалась придирчивой. Всё было совсем не так, как при ежегодных лётных медицинских осмотрах. К ним авиаторы привыкли и ничего страшного в них не видели. А тут, начиная с первого же специалиста, а им оказался врач-окулист, они понял, насколько всё серьёзно. Глаза проверяли особенно тщательно. Нужно было иметь “единицу” по зрению, то есть свободно и уверенно прочитывать всю таблицу букв и знаков от начала и до конца, от крупных до самых мелких. Врачи искали скрытое косоглазие, проверяли ночное зрение, тщательно исследовали глазное дно. Пришлось не один, как обычно, а семь раз являться к окулисту, и всякий раз всё начиналось сызнова: опять таблицы букв и знаков, проверка цветоощущения; “взгляните правым глазом”, “взгляните левым”, “посмотрите туда”, “посмотрите сюда”... Словом, доктор работал по формуле: “Семь раз отмерь – один раз отрежь”.

Проводилась проверка способности работать в усложненных условиях. Предлагалось производить арифметические действия с цифрами, которые вначале нужно было найти в специальной таблице. При этом учитывались и скорость работы, и правильность ответа. На первый взгляд, решение задачи было простым. Но неожиданно включался репродуктор, из которого монотонный голос начинал подсказывать решение. Однако вместо помощи голос сильно мешал сосредоточиться. Внимание начинало рассеиваться, и требовалось заставить себя продолжать работу, не обращая внимания на “услужливого друга”. Было трудно. Впрочем, это были только цветочки – ягодки были впереди.

Врачей было много, и каждый оказался строг, как прокурор. Кандидатов в космонавты приехало во много раз больше, чем требовалось, и врачи перестраховывались. Браковали терапевты и невропатологи, хирурги и ларингологи. Находились и такие, которые в силу своих пристрастий и представлений о том, каким должен быть кандидат в космонавты, выискивали то, чего не было на самом деле. Попавшие к ним молодые лётчики были не более чем предметом, который покорно терпел всё и так же покорно и тихо уезжал в свою часть.

Я вспоминаю, как в лётном училище в первые дни после поступления, когда мы ещё только привыкали к новому распорядку, нас пугали отчислением все, кому было не лень. Даже парикмахер Сережа, которому бы в пору стричь овец, сметая с наших голов волосы, куражась, грозил нам: “Будешь крутить башкой, отчислю!”

Врачи обмеряли кандидатов в космонавты, крутили на специальных приборах, проверяя вестибулярный аппарат... Главным предметом исследований были сердца. Сложная аппаратура находила всё, даже самые минимальные изъяны в здоровье.

Руководил комиссией опытный авиационный врач Евгений Алексеевич Карпов – человек большой эрудиции и знаний. Отсев был большой. Из десяти-

ти человек оставляли одного. Но и он не был уверен, что его не спишет следующая комиссия. Приговоры обжалованию не подлежали – лётчики уезжали в свои части с тяжёлым сердцем. Многим из них уже на месте по результатам “космической” медицинской проверки было предложено списаться на землю. Шло сокращение армии, и лётчиков не жалели. Собираясь в столицу, несостоявшиеся кандидаты мечтали о полётах на новой технике, а в итоге получали психологическую травму. Загнанная вглубь, она давала о себе знать каждый раз, когда радио сообщало об успешном запуске в космос очередного корабля.

После обследования Гагарин вернулся в полк, и потянулись дни ожидания. Как и прежде, он уходил на аэродром, летал над сушей и морем, нёс дежурства по полку, в свободное время ходил на лыжах, оставив дочку Леночку на попечение соседей, вместе с Валею на “норвегах” пробегал несколько кругов на гарнизонном катке, по-прежнему редактировал “Боевой листок”, читал трагедии Шекспира и рассказы Чехова.

И когда казалось, что уже не осталось никаких надежд, пришла бумага: его снова вызывали на комиссию. Всё повторилось сначала. Но требовательность врачей возросла вдвое. Все анализы оказались хорошими, ничего в его организме не изменилось. Евгений Алексеевич Карпов был доволен.

– Стратосфера для вас – не предел, – обнадежил он.

Это были самые приятные слова, слышанные когда-либо Гагариным.

При отборе в отряд космонавтов интересовались биографией, семьёй, товарищами, общественной деятельностью. Оценивали не только здоровье, но и культурные и социальные интересы, эмоциональную стабильность. Это было своеобразное состязание кандидатов в космонавты с врачами, с учёными, которым достался такой богатый материал для проб и экспериментов. Да и самим лётчикам было интересно узнать свои возможности, свой предел в этих испытаниях. Шли они на это дело осознанно, понимая, что и самим врачам многое неизвестно, но перед ними была поставлена сверхзадача, которой ещё никто не решал. Случались и неприятности, зачастую приходилось сталкиваться с непредвиденными обстоятельствами. В этой непростой ситуации каждый вёл себя по-разному, одни углублялись в себя, настраиваясь на очередное испытание, другие, наоборот, старались поделиться своими ощущениями, помочь своим советом тем, кто шёл к доктору или иному специалисту для проверки.

Таким центром, вокруг которого вращалась короткая госпитальная жизнь, стал Юрий Гагарин. Казалось, для него всё было легко, препятствия, кабинеты со специалистами он преодолевал с ходу и с неизменной улыбкой, вроде всю жизнь он только тем и занимался, что проходил медкомиссии. Уже тогда многие кандидаты в отряд космонавтов отмечали его дружелюбие, умение вовремя откликнуться, прийти на помощь, развеселить шуткой.

Затем отобранную группу принял главнокомандующий Военно-воздушными силами Константин Андреевич Вершинин. На встрече среди других заслуженных генералов был Герой Советского Союза Николай Петрович Каманин. Вершинин произвёл на кандидатов в космонавты очень хорошее впечатление. Умный, тактичный, он относился к лётчикам, как к своим сыновьям. Вершинин интересовался прохождением службы, семейными делами, расспрашивал о жёнах и детях...

Просматривая газеты, Гагарин следил, что пишут в них о запусках космических кораблей не только в Советском Союзе, но и в Соединённых Штатах. Зарубежная печать уже давно писала об удачных и неудачных запусках американских спутников Земли и космических ракет. В журнале “Лайф” Юрий разглядывал фотографии обезьяны, которая запускалась с мыса Канаверал на ракете в космос и благополучно вернулась обратно. Хотя информация оттуда поступала скупо, американские телеграфные агентства сообщали о том, что уже отобраны семеро кандидатов для полёта в космос в узкой, колоколообразной капсуле, размещённой в носовой части ракеты “Редстоун”. Ракета должна была подняться на высоту 115 миль. Весь полет рассчитывался на четверть часа.

Вскоре директор проекта “Меркурий” сообщил: из семи американских астронавтов отобраны трое – Джон Хершел Гленн, 39 лет, подполковник морской пехоты, уроженец города Нью-Конкорд в штате Огайо; Вирджил Айвен Гриссом – 34-летний капитан военно-воздушных сил, родившийся в городе Митчелл, штат Индиана, и Алан Бартлет Шепард, 37 лет, капитан 3-го ранга, уроженец города Ист-Дерри, штат Нью-Гэмпшир. Все трое, как сообщало

агентство “Юнайтед пресс интернейшнл”, были отобраны на основании “многих медицинских и технических данных”. Эти кандидаты на полёт являлись кадровыми военными, работавшими в авиации в области научных исследований. Они проходили специальное обучение уже в течение двадцати двух месяцев. Гленн и Гриссом служили в авиации во время Второй мировой войны, а затем воевали в Корее; Шепард проходил службу на эсминце в Тихом океане. Американская печать опубликовала их портреты и биографии, сообщила о том, что любимое времяпрепровождение Гленна – катание на лодке, Гриссом увлекается рыболовством, а Шепард, как и Гагарин, любит катание на беговых коньках и на водных лыжах. Кандидаты в космонавты тут же отметили, что американские астронавты гораздо старше наших кандидатов.

Не осталась не замеченной Гагариным заметка в газете, где сообщалось, что французский исследователь Жак Пиккар на сконструированном им батискафе опустился на глубину 11 километров. Таким образом, известная Гагарину ещё со школьной скамьи самая глубоководная Марианская впадина была покорена человеком. На очереди был космос...

Кандидаты в космонавты уже преодолели немало препятствий. Первым был медицинский отбор, медики признали их годными для летного обучения. Потом был отбор естественный, проверка на техпригодность. Здесь их уже не то что проверили, а “отцедили” из тысячи самых пригодных. Но главное было впереди. В отряд были зачислены двенадцать человек. Но отбор кандидатов продолжался. В итоге их оказалось двадцать счастливых: Иван Аникеев, Павел Беляев, Валентин Бондаренко, Валерий Быковский, Валентин Варламов, Борис Волынов, Юрий Гагарин, Виктор Горбатко, Дмитрий Заикин, Анатолий Карташов, Владимир Комаров, Алексей Леонов, Григорий Нелюбов, Андриан Николаев, Павел Попович, Марс Рафиков, Герман Титов, Валентин Филатьев, Евгений Хрунов, Георгий Шонин. Один человек из трёх тысяч претендентов! Но эта двадцатка всё равно останется в памяти всех, кто слетал в космос и кто по каким-то причинам не смог этого сделать. Из первого отряда в космос слетали двенадцать человек.

Все, отобранные в первый состав, были лётчиками-истребителями: девять из ВВС, шесть из ПВО, пять из морской авиации. 10 января 1963 года отряд пополнился еще пятнадцатью кандидатами. Практическая работа по организации Центра подготовки космонавтов, их подбор, обучение легли на плечи советского лётчика, одного из первых Героев Советского Союза – генерал-полковника авиации Н. П. Каманина, ближайшим и активным его помощником стали Герой Советского Союза, генерал-майор авиации Л. И. Горегляд, а также специалист в области штурманской подготовки полковник В. А. Аристов. Первым же руководителем Центра подготовки космонавтов был полковник Е. А. Карпов – видный специалист в области авиационной медицины.

Начались занятия. Они проходили в совершенно иной обстановке, чем в техникуме, в училище или в полку.

А пока что Гагарин жалел, что время, которое им было отпущено для подготовки, летело, как сумасшедшее. Преподаватели и специалисты, которые занимались с кандидатами в космонавты, сами ещё толком не знали, что может потребоваться их подопечным к предстоящим полётам. Прежде всего кандидатов в космонавты познакомили с тем, что ожидает человека, отправляющегося в космос. Военный врач, крупнейший специалист авиационной медицины, обстоятельно рассказал о факторах, с которыми встречается живой организм при полётах в космическое пространство. Он разделил их на три класса. К первому он относил факторы, зависящие от физического состояния самого космического пространства: низкое барометрическое давление – фактически глубокий вакуум; иной, чем на земле, газовый состав среды; резкое колебание температур; различные виды ионизирующей радиации; метеоритную опасность. Во второй класс факторов было зачислено всё, зависящее от ракетного полёта: шум, вибрации, сильные перегрузки, невесомость. И, наконец, к третьему классу факторов были отнесены искусственная атмосфера в космическом корабле, ограниченные размеры кабины, сужение двигательной активности человека, находящегося в этой кабине, его эмоциональное напряжение, нагрузки на нервы и психику и, наконец, неудобства, связанные с пребыванием в специальной одежде.

Всё это было ново, интересно, и слушали его, затаив дыхание, не пропуская ни одного слова.

На занятиях по аэродинамике и физике профессор, не мудрствуя лукаво, начал танцевать от печки, напомнив лётчикам знакомый им, как дважды два, закон швейцарского физика и математика Даниила Бернулли, который говорил, что внутреннее давление жидкости или газа уменьшается с увеличением скорости. Вздыхнув про себя, они с покорностью школьников все это записали в свои конспекты, при этом Гагарин с улыбкой шепнул своему соседу Андриану Николаеву:

– Все, как в школе. Нам сказали – мы пришли, записали, заучили, по-кивали, как могли...

– Нам сказали – мы поднялись, потянулись и ушли, – подытожил Николаев.

О том, что им предстояло столкнуться уже с иными скоростями, они знали и сами. На обычной школьной доске преподаватель мелом написал первую, вторую и третью скорости космического аппарата в момент выхода его на орбиту, то есть в момент прекращения работы двигателей ракеты-носителя в гравитационном поле. И объяснил, что каждая космическая скорость вычисляется по определенным формулам и может быть физически интерпретирована как минимальная начальная скорость, при которой космический аппарат, запускаемый с Земли, может или стать искусственным спутником (первая космическая скорость), или выйти из сферы действия тяготения Земли (вторая космическая скорость), или покинуть Солнечную систему, преодолев притяжение Солнца.

Лектор говорил, что лётчик, и в особенности лётчик-истребитель, – это человек не только с быстрой, почти мгновенной реакцией на внешние раздражители, но, можно сказать, почти совершенный естественный счётно-решающий компьютер. Из сотни вводных, которые могут возникнуть в полёте, он должен мгновенно и, главное, точно принять единственно правильное решение. Зависит это от природных способностей человека, которые совершенствуются постоянными тренировками. Учёные знают, что есть время математическое, которое можно измерить приборами. Но есть ещё биологическое, а может быть, и иное время, которое не поддаётся обычным измерениям: та же секунда во время критической, экстремальной ситуации как бы растягивается и выгибается в пространстве, как мыльный пузырь, сквозь который видно всё, что происходит не только вне, но и внутри тебя. И это освещено ровным дополнительным светом и как бы работает на внеземной, космической частоте. Точно так же, когда событие отодвинулось и уже не грозит осложнениями, где-то в осадке остается ощущение, что тебе, как дитю неразумному, погрозили пальцем. Лётчик-испытатель Владимир Ильюшин, описывая критическую ситуацию, возникшую при испытательном полёте, обнаружил, что при отказе двигателя у него вдруг появилась прозрачность мысли, когда он в крохотную долю секунды мог обдумать и проанализировать многое...

Думаю, будет уместно добавить, что опытный лётчик, осмысливая свои действия позже, когда опасность будет побеждена, приходит к удивительному открытию, что самое верное решение было первым. Всё последующее лишь подтверждает и укрепляет найденное.

Тогда еще Юрий Гагарин не предполагал, что вскоре сам станет той нравственной линейкой, той величиной, на которую будут равняться тысячи и тысячи людей во всем мире.

“Всё относительно”, – говорили будущим космонавтам на первой лекции, ещё до полёта в космос. Позже Юрий не раз еще вспомнит те лекции. Одна жизнь была до первого самостоятельного полёта, который случился в Саратовском аэроклубе. Потом был короткий период до полёта в космос. И совсем с иной, поистине космической скоростью она понеслась после 12 апреля.

Чуть позже космонавты приступили к изучению того летательного аппарата, на котором они должны были подняться на небывалую высоту. Но лётчикам хотелось знать больше, и они самостоятельно ходили в библиотеки и читали всё, что было известно об истории создания ракет и их практическом применении. Кроме того, в этом деле и сами преподаватели делились с будущими космонавтами той информацией, которой не было в книгах.

“История создания ракет тесно связана с изобретением пороха. Родиной пороха и пороховых ракет считается Китай. Среди многих придуманных ими рецептов была смесь селитры, серы и древесного угля. Дошедшие до нас древние китайские тексты, датированные 850 г. н. э., предупреждали об

опасности опытов с этими соединениями, — писал английский изобретатель ракет Карман Уильям. — Точно известно, что китайские военные впервые использовали порох в 919 году, применив его для насыщения дымом своих огнемётов. Около 1180 года неизвестный китайский гений изобрёл “огненное копье” — иначе говоря, бамбуковую палочку, заполненную порохом, которая прикреплялась к направляющей (к задней части древка), и стрелял этими стрелами по противнику. Ракеты быстро модернизировались и вскоре стали распространённым явлением в Китае. Относительно маломощные ракеты стали применять для фейерверков и иллюминации. Появились многочисленные пусковые установки для ракет, в том числе смонтированные на тачках. Китайские ракеты 1400 года были предшественниками современных, предназначенных для запуска спутников. Это были крупные двухступенчатые ракеты с двигателями, которые включались поочередно. Дальность полёта таких ракет превышала одну милю; перед падением они выпускали “рой” ракет-стрел. Подобное грозное оружие на Западе появилось только в конце XVIII века. Из Китая ракеты попали в Индию, и здесь с ними познакомились английские колониальные войска.

В 1799 году английский генерал Конгрев испытал на себе действие ракет, когда под Серангапатамом произошло сражение с индийцами. Позднее генерал разработал ряд пороховых снарядов, которые были приняты на вооружение английской армии, в том числе гигантские пушки, которые стреляли ракетами на расстоянии семьсот семьдесят саженей”.

Русский царь-реформатор Пётр Первый потратил немало времени на создание и конструирование фейерверков. Он же смастерил осветительную ракету, которая была принята на вооружение русской армии и называлась “петровская ракета”.

В России идея использования ракетного двигателя для преодоления силы земного тяготения принадлежала народовольцу Николаю Кибальчичу. Он её сформулировал, находясь в тюремной камере и ожидая смертного приговора после покушения на царя Александра II. Далее эту идею подхватил К. Э. Циолковский, затем его последователи — Ф. А. Цандер, М. К. Тихонравов, С. П. Королёв.

В начале тридцатых годов Сергей Павлович Королёв приехал в Ленинград, где на комендантском аэродроме строились жидкостные ракеты. Понимая, что будущие полёты за стратосферу будут возможны только при помощи ракет, Королёв хотел поставить жидкостный двигатель на летательный аппарат. На одном из собраний ракетчиков Королёв выступил с докладом и предложил поставить на планер жидкостный двигатель, а самого себя предложил в качестве лётчика-испытателя такого ракетоплана.

18 августа 1931 года при Осоавиахиме была создана группа изучения реактивного движения ГИРД. С ней был заключен договор на постройку ракетоплана РП-1. Руководителем работ стал Сергей Павлович Королёв. Был создан технический совет ГИРДа. В него вошли Ф. А. Цандер, М. К. Тихонравов, Е. С. Щетинков, Ю. А. Победоносцев, Н. И. Ефремов. Рядом с Садовой улицей в Орликовом переулке им была выделена комната, где проводились все опыты. Нередко эти опыты завершались мелкими взрывами. Бывало, что, оглушённые очередным взрывом, с почерневшими от гари лицами, изобретатели открывали окно, чтобы проветрить комнату от дыма.

— Это до добра не доведёт! — причитали соседи, жалуясь на ракетчиков домуправу. — Жить в нашем доме стало опасно!

Понимая, что на квартире нельзя проводить испытания ракет, Сергей Павлович Королёв обратился к Михаилу Николаевичу Тухачевскому с просьбой выделить для испытаний какое-нибудь помещение, желательно церковь или монастырь, где за каменными стенами можно будет проводить различные опыты с горючими и взрывчатыми веществами, и нарисовал ему картину межпланетных полетов. Ознакомившись со схемами фантастических проектов, Тухачевский после некоторого раздумья ответил:

— Считаю, что полёты к планетам будут не скоро, но думать об этом надо.

Тухачевский был человеком с широким кругозором, он внимательно следил за тем, какие новинки внедряются в ведущих армиях мира, и уделял большое внимание развитию в СССР той техники, которая отвечала бы не только духу времени, но и двигала бы научно-техническую мысль вперед. В ноябре 1932 года он дал разрешение на работы по конструированию ракет-

ных двигателей на жидком топливе, а в сентябре 1933 года добился создания Реактивного НИИ, занимавшегося разработкой ракетного оружия в СССР.

Ракетчикам был предоставлен полигон в Нахабине, куда поначалу изобретатели возили свои опасные смеси на общественном транспорте. Не всё получалось у гидровцев, остряки даже придумали для них прозвище, называя их “Группа инженеров, работающих даром”. Но вскоре гидровцами была построена ракета под индексом “09”. Горючим для неё должен был стать сгущенный до пасты бензин, а окислителем послужить жидкий кислород. Когда один из членов технического совета Ефимов поехал отдыхать в Гагры, Королёв посоветовал ему проехать до Баку и совместить приятное с полезным: прочитать лекции о межпланетных сообщениях и попросить проконсультировать ракетчиков по части бензина. Бакинские инженеры и учёные с удовольствием откликнулись на просьбу Ефремова, и вскоре был найден тот самый сгущенный до пасты бензин, что позволило значительно упростить конструкцию двигателя.

17 августа 1933 года был осуществлен первый пуск ракеты, которая достигла высоты вертикального взлета – 400 метров. Затем были пущены ракеты, которые достигли уже 1,5 км.

В 1936 году в СССР были произведены испытания ракеты 6/04 с расчетной дальностью 50 км. Гидровцы знали, что опыты по созданию ракетных двигателей уже повсюду идут в Германии и США. Именно в те годы в зарубежных газетах и журналах начали мелькать имена американца Роберта Годдарда и работающего в Германии Германа Оберта, которые, как и Циолковский, думали над идеей ракетных полетов в космос.

Работы немецких конструкторов по созданию ракетного оружия завершились созданием знаменитой ракеты Фау-2, с помощью которой немцы во время Второй мировой войны обстреливали Лондон.

Руководство Советского Союза ещё во время войны сумело оценить новое немецкое оружие и приняло все меры, чтобы ракеты попали в руки наших специалистов. Весной 1945 года распоряжением Совмина СССР была создана Государственная техническая комиссия под руководством члена Военного совета гвардейских минометных частей генерала Льва Михайловича Гайдукова по изучению трофейной техники, а в её составе – спецгруппа по сбору документации и поиску деталей ракеты Фау-2. В спецгруппу входили В. П. Глушко, Н. А. Пилюгин, М. С. Рязанский, Б. Е. Черток, С. П. Королёв. Одновременно С. П. Королев перешёл работать в НИИ, подчинённый Устинову. Вслед за ними в Германию приезжает первый заместитель наркома вооружений В. М. Рябинов. Для конспирации на членах спецгруппы была форма старших офицеров госбезопасности.

Спецгруппа появилась в Берлине в сентябре 45-го и объезжала промышленные объекты Восточной зоны Германии, а также территории Чехословакии и даже Австрии вплоть до января 1947 года. Командование Красной армии уже в июле 1945 года из тщательно отобранных представителей гвардейских минометных частей формирует группу генерала Александра Тверецкого, которая приступает к изучению немецкой ракетной техники.

Наиболее памятное событие для Сергея Павловича Королёва в это время – посещение английской зоны Германии под видом шофёра “виллиса”. В этом качестве он присутствовал на пуске Фау-2 с расчётом, состоящим из пленных немецких ракетчиков. Уже тогда нашим специалистам и разведчикам стало ясно, что американцы и англичане по всей Германии собирают и свозят в одно место все оставшиеся ракеты “Фау” и пароходами отправляют за океан.

К началу 1946 года поисковым усилиям наших специалистов придаётся организованный характер: в Германии в феврале создается институт “Нордхаузен” с прежней задачей сбора и изучения документации по Фау-2 и ряду других ракет, а также поиска их образцов. Теперь уже оба генерала – Л. Гайдуков и А. Тверецкий – входят в состав руководства этого учреждения.

Очевидцы вспоминали, что всевозможным оборудованием с заводов и лабораторий вскоре оказались забиты двор института и коридоры во всех зданиях на его территории. Даже самих ракет Фау-2 было найдено около двадцати, не считая комплектов деталей, которых хватало бы ещё на десяток ракет. А двигателей для Фау-2 так и вообще свезли сюда с полсотни. Всевозможной документации по ракетам натащили горы! А вот перевод текстов, отчетов, докладов, стенограмм совещаний, не говоря уже об описаниях все-

возможного оборудования, приборов и многого другого, в силу специфики ракетной терминологии давался переводчикам с трудом, ведь тогдашние словари таких слов не содержали. Положение спасали несколько немцев, прилично знавших русский язык.

13 мая 1946 года выходит секретное постановление Совмина СССР “Вопросы реактивного вооружения”. С этого дня поиски Фау-2 в Германии переводятся на круглосуточный режим. Всего через пару дней в Германии организуются четыре “научных учреждения” – институты “Берлин”, “Клейдодунген”, “Рабе” и “Гота”. Королёв оказывается в составе института “Рабе” на посту главного инженера... Одновременно в стенах этих институтов появляются и сотни немецких учёных и инженеров ракетного профиля, которыми по роду обязанностей командует Королёв.

В помощь работающим в Германии ракетчикам в мае 1946 года прибывает батальон выпускников Академии имени Жуковского. Персонально к каждому приставляют немецкого специалиста по ракетной технике. Молодые командиры изучают матчасть Фау-2 с таким энтузиазмом, что уже в конце июля приступают к тренировкам по заправке ракеты водой с имитацией её запуска. К этому моменту под Зондерхаузенем завершается формирование первой армейской ракетной бригады особого назначения, которой командовал генерал Тверецкий.

Одновременно создается группа под руководством Королёва для оказания бригаде “методической помощи”, а при ней – ещё и группа из оставшихся в зоне немецких специалистов для консультирования Королёва и его коллег. Вся эта деятельность находилась под пристальным присмотром правительственной комиссии, возглавляемой Василием Рябиковым, который однажды даже устроил проверку знаний всех участников работ по освоению матчасти путём неожиданной для них подготовки Фау-2 к пуску, включая и её заправку водой вместо топлива.

Немецкие спецы, чувствуя неизбежное приближение стадии испытаний ракет, предложили советским коллегам сформировать пару спецпоездов, укомплектованных всем необходимым (вплоть до бани, прачечной и даже электростанции) для выполнения пусков Фау-2 в полевых условиях. И после отъезда Королёва в Россию в Восточной Германии ещё примерно с полгода продолжались деятельность наших ракетчиков. К примеру, на одном из аэродромов в мае 1947 года, оборудованном кинотеодолитами, нашими испытателями выполнялись полёты на трофейных реактивных истребителях Me-262 и Me-163, имитирующих собой Фау-2 в полёте по траектории.

Из военных, прибывших в низовье Волги, в знаменитый ныне Капустин Яр, в голой степи формируется стартовая команда под руководством Сергея Павловича Королёва. Их главная задача – проведение огневых испытаний Фау-2 на стенде, оборудование которого также доставлено из Германии. Вскоре одну из ракет без хвостового оперения устанавливают вертикально. Казалось бы, с этого момента боевым расчетом должен руководить его командир, но заключительные команды перед запуском двигателя ракеты отдаёт сам Королёв.

Всего в 1947 году на полигоне Капустин Яр было произведено 11 пусков Фау-2, половина из которых оказались удачными.

Попавшие в отряд космонавтов лётчики с первых же минут начали присматриваться друг к другу. На тренажерах, в учебных классах, во время занятий спортом, прыжков с парашютом все старались непременно быть в числе лучших. И все же и здесь Гагарин выделялся. Не секрет, что в любом взводе, классе, эскадрилье появляются лидеры. Бывает, что это не самые сильные и ловкие ребята. Но есть в них что-то такое, что другие начинают понимать: он – лидер. И вскоре все отобранные для полёта в космос лётчики начали понимать: Гагарин полетит первым. Говорят, что у Титова до конца дней так и осталась чувство неудовлетворенности, что первым всё же полетел не он. Поскольку именно ему пришлось стоять на одних весах с Гагариным, когда решался вопрос, он или Юрий. Много позже в одном из выступлений он назовёт 12 апреля одновременно и радостным и “чёрным” днём своей биографии. В своей книге Герман мельком обронил, что когда они играли в хоккей, то ему доставляло особое удовольствие забрасывать шайбу в ворота, которые защищал Гагарин. Именно в соперничестве и проявлялись те качества, кото-

рые в конечном итоге склонили чашу весов в пользу Юрия. Что бы там ни говорили, но подтвердился библейский принцип: много званых, да мало избранных.

Юрий Гагарин рассматривал свои возможности и возможности своего друга Германа Титова первым полететь в космос, как равные.

“Я все время считал мои и Германа шансы на полёт равными, и только после того, как вы объявили нам свое решение, я поверил в выпавшее на мою долю счастье совершить первый полёт в космос”, – признался Юрий Гагарин Николаю Каманину.

“Обсуждая, почему именно Гагарин стал первым, одни утверждают, что главенствующую роль сыграла обвораживающая улыбка Гагарина, другие ссылаются на то, что он “ровно шёл по всем дисциплинам подготовки” – и в чём-то опережал товарищей, третьи говорят о “рабоче-крестьянском происхождении и русской национальности”, – пишет военный журналист Михаил Ребров. – Быть может, каждый из этих факторов и сыграл какую-то роль, но далеко не решающую. И “лотерейного билета счастья” никто не вытаскивал”.

Королёв “положил глаз” на Гагарина при первом знакомстве с “двадцаткой”. Несколько позднее, когда будущие космонавты приехали на смотрины корабля в КБ, главный конструктор подвёл их к одному из металлических шаров и спросил: “Думаю, желающие посидеть найдутся?” Наступила пауза. Молчание прервал Гагарин: “Разрешите, Сергей Павлович?” Получив “добро”, он шагнул к люку, затем остановился, быстро снял ботинки и, оставшись в носках, ловко забрался в кабину. От Королёва это не ускользнуло. “Вот так разуваятся, входя в дом, в русских деревнях”, – скажет он некоторое время спустя.

Имея много данных о каждом, Королёв не выпускал Гагарина из виду. Константин Феоктистов (конструктор и космонавт) признавал: “Гагарин нравился нам всем, а особенно Сергею Павловичу. Да и сами ребята тоже ощущали его лидером и задолго до полёта “назначили” быть первым”. Готовить двадцать человек по ускоренной программе было не просто. В августе 60-го правительство утвердило Положение о космонавтах СССР, для непосредственной подготовки к полёту на “Востоке” (точнее – на “Востоке-3”) отобрали “ударную шестерку”: Юрий Гагарин, Валентин Варламов, Анатолий Карташов, Андриан Николаев, Павел Попович, Герман Титов. Так записано в документе. Обратите внимание – порядок алфавитный, но первой стоит фамилия Гагарина (кстати, командиром экипажа многоместного корабля Королёв уже тогда планировал Володю Комарова). Так получилось, что из-за травм, полученных на тренировках, Варламова и Карташова заменили Валерием Быковским и Григорием Нелюбовым. 18 января 1961 года генерал Каманин составил не подлежащий оглашению список кандидатов в такой последовательности: Гагарин, Титов, Нелюбов, Николаев, Быковский, Попович. И снова Гагарин – первый среди равных.

Врач космонавтов Евгений Анатольевич Карпов рассказал любопытный факт. Лётчиком из отряда космонавтов было предложено высказаться о возможном первом кандидате на условиях конфиденциальности. Девятнадцать назвали Юрия Гагарина, один (Марс Рафиков) – себя, мотивируя это своим “космическим” именем. Это было осенью 1960 года. Перед заседанием Госкомиссии, на котором предстояло выбрать первого космонавта, Руднев спросил Королёва: “Как будем решать?” – “По традиции”, – ответил Сергей Павлович. “Это как же?” – не понял председатель. “У авиаторов, – пояснил Королёв, – существует традиция: для испытания самолёта испытателя назначает главный конструктор изделия. Ясно?” Больше вопросов не последовало.

Двух кандидатов на полет представил Каманин. Германа Титова он назвал “запасным пилотом”. Обсуждений и вопросов не было. Все понимали, что решающее слово за Королёвым. Сергей Павлович сразу же согласился с Каманиным, который знал о симпатиях Королёва. И если бы у членов Госкомиссии были иные мнения, по чисто этическим, да и другим соображениям Главному конструктору никто бы возражать не стал.

Сам же Гагарин говорил так: “Первым хотелось быть каждому. Я тоже хотел, это честно. Но узнал об этом только за три дня до старта. Что почувствовал? Передать трудно. Подумал: завтра надо всё ещё раз повторить”.

Программа испытаний и пусков ракет в СССР была затратной и равнялась бюджету нескольких промышленно развитых российских регионов. Все луч-

шее, что имела наша страна, шло на создание ракетно-космической отрасли. Когда смотришь документальные кадры кинохроники, снятые в день запуска на орбиту Гагарина, то видишь у проходных заводов, на улицах счастливых людей, которые, как и в войну, были одеты в серые фуфайки и такие же серые брюки и юбки. Страна отдавала последнее, чтобы догнать и перегнать развитые страны. Мы торопились и порою допускали ошибки.

А на самом деле после успешного завершения в марте двух контрольных запусков кораблей с манекенами и собаками началась завершающая подготовка к запуску пилотируемого корабля. На полигоне шли финальные подготовительные работы к событию мирового значения.

Они проводились под грифами “секретно” и “совершенно секретно”. Однако от опытных глаз не скроешь, – на полигоне было очень многолюдно. На нём работали все главные конструкторы: С. П. Королёв, Н. А. Пилюгин, В. П. Глушко, В. П. Бармин, М. С. Рязанский, В. И. Кузнецов, С. А. Косберг и А. Ф. Богомолов, академики М. В. Келдыш, А. Ю. Ишлинский, В. В. Парин.

Первый полёт в космос на ракете собак Дезика и Цыгана был осуществлён в Советском Союзе в июле 1951 года на высоту 112 километров. Были получены данные, свидетельствующие о возможности кратковременного пребывания животных в космосе. Позже были запущены Пёстрая и Белая на высоту 450 километров. Учёные изучили возможность пребывания животных в скафандрах в герметических кабинах и спуска их с больших высот на парашютных системах. Они спускались с высоты в 90 километров в течение 65 минут. Но они прожили немного, не перенеся полученных перегрузок. Но дали необходимую информацию медикам и биологам.

Собаки – животные спокойные, физиология их хорошо изучена, они поддаются тренировкам и подготовке. Лайка с самого начала была обречена. Она скончалась в капсуле уже через несколько часов после старта от перегрева. В этом эксперименте отвод тепла из капсулы был не предусмотрен. . .

Изображение Лайки встречается на почтовых марках и открытках, на коробках сигарет. Но она, право, заслужила большего. И, может быть, ей когда-нибудь поставят памятник, как поставили в Колтушах под Ленинградом бронзовую скульптуру безымянной собаки – предмета исследований медицины. Будущих космонавтов ознакомили с планом подготовки к космическим полётам. Это была обширная программа, включающая сведения по основным теоретическим вопросам, необходимым космонавту, а также обеспечивающая приобретение навыков, умения пользоваться оборудованием и аппаратурой космического корабля. Они должны были изучить основы ракетной и космической техники, конструкцию корабля, астрономию, геофизику, космическую медицину. Предстояли полёты на самолетах в условиях невесомости, много тренировок в макете кабины космического корабля, в специально оборудованных звукоизолированной и тепловой камерах, на центрифуге и вибростенде.

Особой статьёй подготовки стали прыжки с парашютом при помощи катапульты. Тренировались в районе Саратова, среди широких степных просторов. Во время прыжков секунды становились длиннее, а вот время, отведённое для тренировок, пролетело, как один миг. За короткий срок Гагарин выполнил около сорока прыжков. Опытный инструктор Никитин поставил дело так, что кандидаты в космонавты сами стали выпрашивать дополнительные прыжки. И все они не были похожи друг на друга. Каждый прыжок переживался по-своему, всякий раз доставляя смешанное чувство волнения и радости.

В День Победы, 9 мая 1960 года кандидаты с утра сделали по два зачётных прыжка, затем Никитин построил их и четверым лётчикам вручил капитанские погоны. Гагарина среди них не было, звание капитана он с легкой руки Хрущёва минует в космическом пространстве. Кроме того, по окончании парашютных тренировок всем выдали инструкторские свидетельства и значки инструкторов-парашютистов. Этим значком Гагарин очень гордился и с удовольствием прикрепил его к кителью под значком военного лётчика 3-го класса.

Как это и было заведено, значки и погоны решили отметить. Молодые лейтенанты и новоиспеченные капитаны отправились в город. Был жаркий весенний день 1960 года, прохожие с некоторым удивлением смотрели на одетых в тёплые меховые куртки и меховые сапоги молодых парней, которые заходили в саратовские магазины и рассматривали полки со спиртным. В эту командировку они улетели, когда в Москве ещё лежал снег, и легкой одежды с собой не взяли. Выбор спиртного был небольшим, и лётчики остановились

на каком-то заграничном роуме. А потом уединились в гостиничном номере, обмыли погоны и спели свою любимую песню: “Пора в путь-дорогу...”

Потом были тренировки на центрифуге. Это несложный аппарат, предназначенный для подготовки организма к перенесению больших перегрузок.

В отличие от летчика в кабине самолета кандидаты в космонавты занимали лежачее положение, и перегрузка, таким образом, распределялась по всему телу более равномерно. Но давило очень сильно! Глаза не закрывались, затруднялось дыхание, перекашивались мышцы лица, увеличивалось число сердечных сокращений, росло кровяное давление, кровь становилась тяжелой, как ртуть. Здесь и дышать надо было по-иному. Каждая секунда при предельных перегрузках казалась вечностью. Предельная перегрузка, которую давали космонавтам, достигала 12 g, и по времени она не превышала больше одной минуты. Перед центрифугой и после у испытуемых измеряли давление и брали кровь. В седьмом медицинском управлении проводились эксперименты, целью которых было выяснить предельные значения перегрузок для человеческого организма. Там давали перегрузку около 19 g. Но после того, как у кандидата в космонавты Анатолия Карташова после испытаний на центрифуге по схеме спина – грудь произошел множественный точечный разрыв капилляров, по-научному – питехии и его списали из отряда космонавтов, для облегчения переносимости перегрузок на центрифуге стали применять поднадув воздуха. Это принесло испытуемым некоторое облегчение. Кстати, после неудачного старта космонавт Олег Макаров при спуске по баллистической траектории получил перегрузку в 21 g.

Соревнуясь между собою, кандидаты в космонавты видели друг в друге не конкурентов, а единомышленников, стремящихся к одной цели. Они знали, что в первый полет выберут одного из них. Но они так же хорошо знали и то, что и другим найдётся работа, что другие сделают больше первого, продлят и разовьют то, что начнёт он. Кто-то сделает один виток вокруг Земли, кто-то несколько витков, кто-то полетит к Луне... но все они будут первыми!

Вскоре перед отлётом на очередной запуск ракеты космонавтов принял маршал Митрофан Иванович Неделин. Он предложил им перейти из ВВС в только что созданные Ракетные войска стратегического назначения. Космонавты недоумённо переглянулись: уйти из родных ВВС в какие-то ракетные войска, где и форма ничего не напоминает о небе?

– Из вас мы сформируем первый полк, летающий на ракетах, – убеждал Неделин. – А форму мы вам оставим прежнюю.

Но свою идею – переименовать космонавтов в подчинённые ему ракетные войска стратегического назначения – воплотить в жизнь ему не удалось. На Байконуре при запуске взорвалась ракета Р-16. При подготовке к запуску Неделин сидел на табуретке в 17 метрах от ракеты. Когда ему предложили уйти в укрытие, Митрофан Иванович ответил: “Разве я не такой офицер, как и все?” И остался возле ракеты. Участники тех событий вспоминают, что в день трагедии ему два раза звонил по ВЧ Хрущёв и торопил с запуском Р-16. И Неделин уступил начальству и разработчикам ракеты, при явных недостатках и недоработках не отменил запуска, который шёл с отклонениями от норм безопасности, что явно бросалось в глаза всем, кто был на стартовом комплексе. Через три дня газеты сообщили, что маршал Неделин погиб при авиационной катастрофе. Комиссия, расследовавшая причины взрыва, подсчитала потери: погибли 74 и покалечены 49 человек. Конечно, эта катастрофа тяжело была воспринята всеми, кто был связан с ракетными пусками и космонавтами...

Гагарин хотел отправиться в космический полёт членом партии. Это уже стало традицией советских людей: накануне решающих событий в жизни вступать в ряды ленинской партии. Так делали строители первых пятилеток, так поступали воины Великой Отечественной войны. Однополчане с Севера прислали Гагарину свои рекомендации. Бывший командир эскадрильи Владимир Михайлович Решетов писал: “На протяжении всей службы Юрий Алексеевич Гагарин являлся передовым офицером части... Политически развит хорошо... Принимал активное участие в общественных и спортивных мероприятиях... Взятые на себя социалистические обязательства выполнял добросовестно...” В рекомендации секретаря партийной организации Анатолия Павловича Рослякова говорилось: “Знаю Ю. А. Гагарина как исполнительного, дисциплинированного офицера... Летает грамотно и уверенно... Являлся членом комсомольского бюро части... Партийные поручения выполнял

своевременно и добросовестно. . . ” А в третьей рекомендации, данной коммунистом Анатолием Фёдоровичем Ильяшенко, было написано: “Гагарин Ю. А. идеологически выдержан, морально устойчив, в быту опрятен. Являясь слушателем вечернего Университета марксизма-ленинизма, всегда активно выступал на семинарских занятиях. . . Активно участвовал в работе партийных собраний, хорошо выполнял партийные поручения, был редактором “Боевого листка”.

“Прошу партийную организацию принять меня в члены КПСС. . . Хочу быть активным членом КПСС, активно участвовать в жизни страны. . . ” – написал Гагарин на обычном листке бумаги из ученической тетради.

В солнечный день 16 июня 1960 года его пригласили на партийное собрание. Как положено в таких случаях, он рассказал свою биографию. Она оказалась короткой и улеглась в несколько фраз. Ничего особенного, всё, как у миллионов молодых советских людей. Кто-то из коммунистов спросил:

– Как относитесь к службе?

– Служба – главное в моей жизни, – ответил Гагарин.

– Партии и советскому правительству предан. Быть в рядах партии Ленина достоин! – говорили о нём выступавшие коммунисты.

Проголосовали единогласно – за!

Через месяц Гагарина вызвали в партком.

Секретарь парткома протянул ему красную книжечку партийного билета и, пожимая руку, сказал:

– Всегда и во всём поступайте так, как учил нас великий Ленин.

В тот же вечер Гагарин написал об этом событии отцу в Гжатск. Отец давно хотел, чтобы Юрий стал коммунистом, и мечта его сбылась.

В подмосковном посёлке Чкаловском, где их поселили после зачисления в отряд космонавтов, лётчики жили одной большой и дружной семьёй, ходили друг к другу в гости, дети учились в одной, 14-й школе. Чуть позже, в 1966 году, все вместе переехали в новый Звёздный городок, который построили неподалёку от Чкаловского.

Создание отечественного космического аппарата – это отдельная песня в истории космонавтики. Все, наверное, помнят роман Жюль Верна “Из пушки на Луну”, где подробно был описан летательный снаряд, в котором космические путешественники слетали на ближайшее к Земле небесное тело. Кроме того, в шестидесятые годы был очень популярен роман Александра Казанцева “Планета бурь”, где наши космонавты, естественно, первыми достигли Венеры. Но то была фантастика. Здесь же нашим учёным предстояло реально сконструировать корабль, на котором предстояло обогнуть Землю. Параметры были известны, они были обусловлены возможностями ракеты Р-7. Когда знакомишься со знаменитым космическим кораблём, то поражаешься его небольшим размером – с виду обыкновенный металлический шар, минимум приборов, несколько крохотных иллюминаторов, вот, пожалуй, всё, что бросается в глаза несведущему глазу. Но только чуть позже, когда были опубликованы рассказы и личные впечатления людей, непосредственно занимавшихся этой темой, то начинаешь понимать: перед ними стояла необыкновенно трудная, но интересная и, я бы даже сказал, фантастическая по сложности задача.

Ознакомившись с Фау-2, наши конструкторы под руководством Сергея Павловича Королёва приступили к созданию отечественной ракеты Р-1, которая мало чем отличалась от немецкой. Но Королёв сумел разглядеть в немецких ракетах их недостатки и, взяв за основу немецкую разработку, принялся за создание собственной ракеты. С присущим ему размахом и основательностью он сумел убедить руководство страны, что сможет быстро и качественно сделать необходимую ракету, которая будет способна доставить в любую точку земного шара необходимый заряд. Уже тогда Королёв начал первые эксперименты, целью которых был запуск человека в космос. Но об этом по понятным причинам говорить было рано. С 1957-го по 1960 год на высоту от 100 до 470 км было поднято 26 ракет. Все эти запуски осуществлялись для изучения влияния космического излучения, других факторов, которые могли повлиять на здоровье будущих космонавтов. Второй и третий корабли-спутники были, по существу, летающими в космосе лабораториями для выявления космического излучения. После обобщения результатов исследований были разработаны меры по биологической защите космонавтов. С помощью спутников бы-

ли получены данные, показывающие, что верхняя атмосфера имеет большую плотность и температуру, чем это предполагалось ранее. В мае 1958 года начал свой полет 3-й спутник. Его вес составлял 1,5 тонны. И это уже была комплексная научная лаборатория, которая дала ответы на многие вопросы учёных. Главный итог их работы состоял в том, что полёт космического корабля с человеком на борту возможен.

От первой ракеты до знаменитой Р-7, которая подняла в космос Юрия Гагарина на корабле “Восток”, пройдёт тяжелое, изнурительное десятилетие. Немало будет аварий и катастроф с человеческими жертвами. Но все они произойдут на земле, а не в космосе, как пишут сегодня любители сенсаций.

В начале пятидесятых годов начали создавать второй полигон – в архангельской тайге. Его назовут Плесецком, или Мирным с тем же адресом: Москва-400. На первом этапе было испытано 9 ракет первой серии Р-1. Лётные испытания управляемой ракеты дальнего действия прошли с очень плохими результатами: только одна ракета достигла цели. И всё же и отрицательный результат помогал выявлять недостатки, слабые места отечественного ракетостроения, заставлял учёных, конструкторов, инженеров и технологов искать другие, более надёжные решения. От задумки до её воплощения, как правило, пролегает длинная и трудная дорога. Так было с кораблем “Восток”, а затем с самым надёжным ныне кораблём в мире – “Союзом”.

В мае 1959 года по инициативе Дмитрия Фёдоровича Устинова было принято решение Совета Министров СССР об утверждении разработки пилотируемого комплекса “Восток”. Оно предусматривало создание космического корабля для орбитального полёта человека и мощной трёхступенчатой ракетно-носителя, которая могла бы запустить такой корабль. Это было поистине смелое и оригинальное решение. Оно резко отличалось от американского проекта. США планировали на первом этапе осуществить полёт человека по баллистической траектории, без выхода на орбиту искусственного спутника Земли. Фактически “Редстоун”, на котором по баллистической траектории слетал в космос на высоту 113 миль Аланд Шепард, был не чем иным, как Фау-6, сконструированной немецким конструктором Вернером фон Брауном, которого американцы вывезли из поверженной Германии.

Решение Советского правительства было основано на предложениях учёных, конструкторов, инженеров СССР, которые проводили обстоятельные, длительные исследования и формулировали глубокие выводы, проведенные в кругах компетентных специалистов. В 1960–1961 гг. в СССР изготовили шесть кораблей “Восток” для лётной отработки их в беспилотном варианте. Начиная с мая 1960-го было проведено четыре запуска, из них два с собаками на борту. Не все из запусков оказались удачными. Только третий прошёл в полном соответствии с планируемым графиком подготовки пуска и полёта. Собаки Белка и Стрелка благополучно возвратились на Землю.

“Мы приходили на работу вместе со всеми, а уходили, когда на улицы выплескивалась вторая смена с соседнего завода, – вспоминает инженер Игорь Молотов. – Внешний облик корабля будто бы уже проглядывается. Пока расплывчатые, ещё достаточно далёкие от окончательного решения контуры. Но общая схема ясна: возвращаемая часть – спускаемый аппарат, далее отсек, где разместится основная часть оборудования (позднее этот отсек назовут приборным), и тормозная двигательная установка. Прикидка показала ориентировочный вес корабля – что-то около четырёх с половиной тонн. В общем-то, эта цифра была задана заранее: её диктовала мощность ракеты-носителя. Сознательно не говорим пока о форме отсеков и общей компоновке корабля. Потому что с первых же проработок из-за внешних форм необычного объекта разгорелся страшный сыр-бор.

Ракетчики знают свои возможности и твёрдо держатся занимаемых позиций: “Вот вам, коллеги-проектанты, зона полезного груза, вот вам головной обтекатель ракеты. Хоть в спираль скручивайте объект, а за наши границы – ни-ни!” Словом, габарит задан жёстко. Но в пределах его компоны, как хочешь.

Возьмём спускаемый аппарат. Какие исходные данные есть у проектанта для его разработки? Практически никаких. В справочник не заглянешь – никто в мире подобных штук не строил. Какая должна быть форма аппарата?.. Уйма вариантов. Все чем-то хороши, а в чём-то сыроваты. Королёв приходил к проектантам, хмурил брови, недовольно ворчал: “Расползаетесь!” Конуса, цилиндры, полусферы. И вдруг, как прозрение, – сфера! Логичная, как ку-

риное яйцо. Плюсы шарового спускаемого аппарата были очевидны. Суммарные тепловые потоки в этом случае меньше, чем на конусах, легко считаются аэродинамические характеристики, на всех предполагаемых скоростях сфера устойчива. И очевидное, ещё Евклиду известное преимущество: при заданных габаритах сфера дает максимальный внутренний объём. А это очень и очень важно. Феоктистов расставлял своих парней на лестничных площадках и бросал в пролёт шарик для настольного тенниса. Для обеспечения центровки на шарик лепили пластилин. И этот “снаряд” вполне устойчиво “приземлялся”.

Конечно, потом были продувки в аэродинамических трубах, масса необходимых расчётов. В итоге – сфера прочно заняла свое место в проекте”.

На расчетчиках лежала трудоёмкая и ответственная работа – математически подтвердить правильность предложенных схем. И они просчитывали сложнейшие задачи, искали оптимальные варианты. Без сна и отдыха. Как и весь коллектив проектантов.

– У нас были одна цель и твердая вера в успех, – говорил много лет спустя Феоктистов. – И, кроме того, мы верили в Королёва. Мы знали, что он мог найти и производственные, и материальные, и, если хотите, политические формы, чтобы обеспечить успешное окончание работ...

Ну что же, корабль внешне прорисован. Теперь снова засучивай рукава и компунуй системы и агрегаты. Не хватает рабочего дня. В опустевшем к вечеру конструкторском бюро работают энтузиасты.

“Мы никогда не уходили домой со звонком, – вспоминал Валерий Любимов. – Если случалось уйти немного раньше других, всегда было стыдно перед ребятами, корпевшими над чертежами. А уж про отпуск и говорить нечего. Когда кто-нибудь, до предела уставший, тащил к начальству заявление на отпуск, он чувствовал себя жуликом или шкурником, как хотите...”

Спускаемый аппарат оброс тяжелой “шубой”. Тяжело, но зато надёжно. А если не сработает автоматика спуска? В этом случае корабль, постепенно затормаживаясь атмосферой, должен самостоятельно совершить спуск, но этот спуск будет происходить в течение нескольких дней. Характер теплового воздействия в этом случае меняется, вместо кратковременной тепловой атаки возникнут явления иного свойства, защитное покрытие корабля в течение длительного времени будет аккумулировать тепло и, в конечном счете, передавать его внутрь. Следовательно, нужен ещё один, дополнительный барьер между защитным покрытием и окружающим пространством. Материал этого слоя должен обладать малой теплопроводностью и малым удельным весом. И спускаемый аппарат обклеили еще одним слоем теплоизоляции. Эти ячейки из блестящей металлизированной плёнки сразу сделали корабль нарядным.

Заглянем в спускаемый аппарат. Разумеется, центральное место занимает космонавт, располагающийся в специальном кресле пилота. Кресло покоится на мощных направляющих рельсах, упирающихся в опорную плиту. Под креслом проектанты нашли место для многочисленных блоков системы приземления, телеметрии, оборудования систем кондиционирования.

Сейчас мы считаем естественным, что космонавт при старте лежит в кресле лицом вверх. А тогда вопрос размещения космонавта, вверх или вниз лицом, стал предметом яростных споров. Причём у каждой стороны были свои положительные аргументы.

На левом борту машины сделали “сапог”. Так проектанты окрестили парашют-контейнер, формой своей действительно напоминающий сапог. Нужны люки. Без них, как бы ни ворчали прочнисты, не обойтись. Установка кресла, посадка космонавта в корабль, катапультирование пилота на последнем этапе спуска должны были проходить через первый люк. Второй закрывал парашютный контейнер. Оба люка – быстрооткрывающиеся. Прямо перед космонавтом смонтировали ещё один люк, технологический, для выполнения всякого рода монтажных работ. На этом люке установили один из трёх иллюминаторов спускаемого аппарата. Трудно дались эти “окна в мир”. Как защитить их от всепожирающего огня на спуске? Одни настаивали: закроем крышками перед посадкой. Другие резонно возражали: если ваша крышка не сработает, стекло опять же останется один на один с огнём. Лучше найти подходящее стекло. Поиск шёл по всей стране. Помогло личное вмешательство Королёва: нашлись и стекло, и завод-изготовитель.

Группа проектантов компоновала приборный отсек. Трудно найти подходящие сравнения для этой каторжной работы. Даже наряжая новогоднюю ёл-

ку, впадаешь в постоянные противоречия с окружающими. А здесь далеко не ёлка и развешивать нужно не игрушки, а целые системы. В маленьком объёме разместили источники питания, аппаратуру управления и спуска, телеметрическую систему, телевидение, связь, часть системы терморегулирования и целиком тормозную двигательную установку, со всеми баками, агрегатами и баллонами. Снаружи приборный отсек по верхнему конусу опоясала цепочка шаров-баллонов с запасами топлива для двигателей системы ориентации.

А как связать в одну функциональную цепь все отсеки? На внешней поверхности спускаемого аппарата поставили большую панель с десятками электрических, воздушных и жидкостных разъёмов. Сгусток кабелей и трубопроводов, прикрытых кожухом, сбегал по спускаемому аппарату и растекался по приборному отсеку. После выхода на орбиту корабль должен оцетиниться двумя десятками антенн. Обилие радиосистем означало такое же обилие и антенных устройств. Раз в неделю антенщики приходили к разработчикам. Рассаживались вместе за столом и рисовали варианты, потом брались за линейки, ставили у себя в лаборатории эксперименты. Через неделю снова собирались за одним большим столом, чтобы отклонить или принять то или иное предложение. Непрерывный поиск компромиссов характерен для всего процесса разработки. Много, сверхмного хотел бы поставить на борт машины проектант. Но как мало возможностей ему отпущено! И над всеми проблемами главенствовала одна — надёжность. Абсолютно надёжных машин и устройств ещё не научились делать. Но в данном случае речь шла о полёте в космос человека...

— Что будете делать в случае отказа двигателя? — спрашивал Королёв у Феоктистова.

— А почему бы не выбрать такую орбиту, чтобы объект сам приземлился через несколько суток?

Проектанты гордо поглядывали на Главного конструктора. Задача вроде бы решена.

— Ну, а парашютная система? У любого парашютиста два парашюта — основной и запасной. А у нас космический объект. И с одним парашютом? — не унимался Королёв.

Действительно, объёмистый парашютный контейнер занимал много места. Второй такой же поставить было некуда. И создатели корабля целиком положились на наземные эксперименты, скрупулёзные, тщательно подготовленные. Модели кораблей с их парашютами продували в аэродинамических трубах, с самолётов сбрасывали грузы с парашютами разных конструкций.

Прошли последние доработки корабля. Проводились конкретные меры по оперативной подготовке специальной поисковой службы Военно-воздушных сил, предназначенной для поиска, обнаружения возвращаемых аппаратов. Эта группа оснащалась самолётами, вертолётами и вездеходами.

“Жизнь — это долг, хотя бы она была мгновением. — Эти слова, прочитанные однажды, глубоко запали в Юрино сердце, — вспоминает жена космонавта Валентина Ивановна Гагарина в своей книге “108 минут и вся жизнь”. — Свое назначение он понимал так: быть человеком ответственно, быть первым — ответственно вдвойне. Вот в чём фундамент его натуры. Не сразу он открылся таким. Не сразу таким стал. Но было в нём что-то такое, что крепло и росло с годами. Я не знаю, как точнее это назвать. Наверное, строгость. Строгость к себе. Строгость в большом и малом...”

Память сохранила многое. И пусть годы затушевывали и спутали детали минувшего, оно все равно живёт, будит воспоминания, воссоздаёт прошлое.

Я понимала, что такое его серьёзное отношение к решающему жизненному шагу не имеет ничего общего с осмотровой расчётливостью. Юре был чужд эгоизм. Он думал обо мне: не пожалее ли я, не спохвачусь ли, когда будет уже поздно передумывать? Но постепенно стало ясно, что все это имеет самое непосредственное отношение к нему, а стало быть, и ко мне, и к Лене. Однажды совершенно случайно у него вырвалась фраза:

— Белка и Стрелка слетали неплохо. Скоро кому-то из нас...

Он не продолжал, но я поняла: значит, скоро пошлют человека. На мгновение мне стало страшно: Может быть, его, Юру?

Мне не хотелось расспрашивать его об этом. Не знаю, почему, но я чувствовала каким-то шестым чувством, что и он не расположен к многословным разговорам о том, кто когда, зачем... У него была работа. Напряженная.

Трудная. И, наверное, он просто не имел права рассказывать о ней в семье. И всё-таки я не сдержалась и однажды прямо спросила:

– В космос собрался... Когда?

Юра сперва отшучивался, а потом также с улыбкой сказал:

– Считаю, что ты сообразила... Ну, собираюсь в космос. Когда? Если хочешь, хоть сегодня готовь сухари и вещички. И не забудь положить лыжные ботинки и шерстяные носки. Как бы там не простудиться...

Меня его тон стал злить. Я никак не могла понять, где тут шутка, а где правда. Но тревога не прошла. “Не хочет говорить – не надо, – подумала я про себя. – Может быть, все это лишь отдалённые планы”. Само сочетание “человек и космос” в те годы представлялось далёким и фантастическим.

Всё шло своим чередом. Он больше бывал на работе и меньше дома. В свободное время мы ходили гулять в лесопарк или смотреть кино, пристроив Ленку кому-нибудь из знакомых или соседей. Вечерами Юра нянчил дочку, иногда, взяв спортивный чемоданчик, ходил на баскетбол. Был он спокойный, ровный, весёлый. Как и прежде, предпочитал книги телевизору. По праздникам любил принимать гостей. Слушая весёлые истории, смеялся звонко и заразительно. Ребята тянулись к нему и добродушно звали Гагарой...

...Родилась Галочка, и очень скоро и очень неожиданно пришёл тот последний вечер. Он должен был прийти. Юра его ждал. Подсознательно и тревожно ждала его я. Тот вечер... Мы пораньше уложили спать девочку и после ужина долго разговаривали. О чём? Обо всём, но только не о полёте. Вспоминали. Строили планы. Говорили о наших девочках. Я понимала, точнее, чувствовала, куда и зачем он едет, но не спрашивала его. Он шутил, болтал о разном, но тоже сознавал всю нелепость этой игры в прятки. Ему трудно было скрывать своё причастие к надвигающимся событиям...

“...И вот короткая, как выстрел, команда: Пуск! – возбужденно рассказывал Юрий жене о своих впечатлениях, которые он испытал, когда наблюдал пуск ракеты с собачкой Звёздочкой. – В пламени, выбивающемся из сопел, в грохоте всё сильнее и сильнее рокочущих двигателей высокой и тяжёлой корпус многоступенчатой ракеты как бы нехотя приподнимается над стартовой площадкой. Ракета, словно живое, разумное существо, в каком-то раздумье, чуть подрагивая, на секунду-другую замирает у земли и вдруг неуловимо, оставляя за собой бушующий вихрь огня, исчезает из поля зрения, словно рождерк, оставляя в небе свой яркий след”.

Корабль облетел вокруг планеты и вернулся в заданный район. Звёздочка великолепно перенесла полёт. А Юрий уже раздумывал над тем, что скоро должно было произойти с ним. В ушах всё ещё отзывался услышанный на старте грохот, перед глазами всё ещё вздымались высокие волны пламени, которое оставила за собой ракета. Но это не пугало его, а восхищало. И вспомнились ему слова высокого усатого бригадира Люберецкого завода, когда он попятившимся от жара расплавленного чугуна ремесленникам весело сказал:

– Огонь силён, вода сильнее огня, земля сильнее воды, но человек – сильнее всего!

Валя спросила, почему он в таком восторженном состоянии.

– Лечу в космос... Готовь чемодан с бельишком, – попытался снова отшутиться Юрий.

– Уже приготовила, – ответила Валя, и он понял: она всё уже знает...

И все же он оставил своей семье письмо перед запуском в космос:

“Здравствуйте, мои милые, горячо любимые Валечка, Леночка и Галочка! Решил вот вам написать несколько строк, чтобы поделиться с вами и разделить вместе ту радость и счастье, которые мне выпали сегодня. Сегодня правительственная комиссия решила послать меня в космос первым. Знаешь, дорогая Валюша, как я рад, хочу, чтобы и вы были рады вместе со мной. Простому человеку доверили такую большую государственную задачу – проложить первую дорогу в космос! Можно ли мечтать о большем? Ведь это – история, это – новая эра! Через день я должен стартовать. Вы в это время будете заниматься своими делами. Очень большая задача легла на мои плечи. Хотелось бы перед этим немного побыть с вами, поговорить с тобой. Но, увы, вы далеко. Тем не менее, я всегда чувствую вас рядом с собой. В технику я верю полностью. Она подвести не должна. Но бывает ведь, что на ровном месте человек падает и ломает себе шею. Здесь тоже может что-нибудь

случиться. Но сам я пока в это не верю. Ну, а если что случится, то прошу вас и в первую очередь тебя, Валюша, не убиваться с горя. Ведь жизнь есть жизнь, и никто не гарантирован, что его завтра не задавит машина. Береги, пожалуйста, наших девочек, люби их, как люблю я. Вырасти из них, пожалуйста, не белоручек, не маменькиных дочек, а настоящих людей, которым ухабы жизни были бы не страшны. Вырасти людей, достойных нового общества – коммунизма. В этом тебе поможет государство. Ну, а свою личную жизнь устраивай, как подскажет тебе совесть, как считаешь нужным. Никаких обязательств я на тебя не накладываю, да и не вправе это делать. Что-то слишком траурное письмо получается. Сам я в это не верю. Надеюсь, что это письмо ты никогда не увидишь, и мне будет стыдно перед самим собой за эту мимолетную слабость. Но если что-то случится, ты должна знать всё до конца. Я пока жил честно, правдиво, с пользой для людей, хотя она была и небольшая. Когда-то ещё в детстве прочитал слова В. П. Чкалова: “Если быть, то быть первым”. Вот я и стараюсь им быть и буду до конца. Хочу, Валечка, посвятить этот полет людям нового общества, коммунизма, в которое мы уже вступаем, нашей великой Родине, нашей науке. Надеюсь, что через несколько дней мы опять будем вместе, будем счастливы. Валечка, ты, пожалуйста, не забывай моих родителей, если будет возможность, то помоги в чём-нибудь. Передай им от меня большой привет, и пусть простят меня за то, что они об этом ничего не знали, да им не положено было знать. Ну вот, кажется, и всё. До свидания, мои родные. Крепко-накрепко вас обнимаю и целую, с приветом ваш папа и Юра. 10.04.61 г. Гагарин”.

В марте 1961 г. с грифом “Совершенно секретно” вышло постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР.

“30 марта 1961 г.

Докладываем... проведен большой объём научно-исследовательских, опытно-конструкторских и испытательных работ как в наземных, так и лётных условиях...

Всего было проведено семь пусков кораблей-спутников “Восток”: пять пусков объектов “Восток-1” и два пуска объектов “Восток-3А”... Результаты проведённых работ по отработке конструкции корабля-спутника, средств спуска на Землю, тренировки космонавтов позволяют в настоящее время осуществить первый полёт человека в космическое пространство.

Для этого подготовлены два корабля-спутника “Восток-3А”. Первый корабль находится на полигоне, а второй подготавливается к отправке. К полёту подготовлены шесть космонавтов: Ю. Гагарин, Г. Титов, А. Николаев, П. Попович, В. Быковский и Г. Нелюбов.

Запуск корабля-спутника с человеком будет произведён на один оборот вокруг Земли и посадкой на территории Советского Союза на линии Ростов – Куйбышев – Пермь...

При выбранной орбите корабля-спутника, в случае отказа системы посадки на Землю, обеспечивается спуск корабля за счёт естественного торможения в атмосфере в течение 2–7 суток, с приземлением между северной и южной широтами 65°.

В случае вынужденной посадки на иностранной территории или спасения космонавта иностранными судами космонавт имеет соответствующие инструкции...”

Записку подписали: Д. Устинов, К. Руднев, В. Калмыков, П. Дементьев, Б. Бутома, М. Келдыш, К. Москаленко (он был назначен вместо Неделина), К. Вершинин (Главком ВВС), Н. Каманин (замначальника боевой подготовки ВВС), П. Ивашутин (первый заместитель председателя КГБ) и С. Королёв (его подпись стояла последней).

То, что докладную записку подписал первый заместитель председателя КГБ, было не случайно. Среди прочих ситуаций предусматривалась и такая:

“Считаем целесообразным публикацию первого сообщения ТАСС сразу после выхода корабля-спутника на орбиту по следующим соображениям:

а) в случае необходимости это облегчит быструю организацию спасения; б) это исключит объявление каким-либо иностранным государством космонавта разведчиком в военных целях...”

Уверенность в успехе была. Это видно из самого документа, который предусматривал все возможные варианты. 3 апреля ЦК КПСС принял постанов-

ление “О запуске космического корабля-спутника”. В правом верхнем углу по уже установившейся традиции в две строки стояли слова: “Строго секретно. Особая папка”. Далее следовал текст:

“1. Одобрить предложение тт. Устинова, Руднева, Калмыкова, Дементьева, Бутомы, Москаленко, Вершинина, Келдыша, Ивашутина, Королёва о запуске космического корабля-спутника “Восток-3” с космонавтом на борту.

2. Одобрить проект сообщения ТАСС о запуске космического корабля с космонавтом на борту – спутника Земли и предоставить право Комиссии по запуску в случае необходимости вносить уточнения по результатам запуска, а Комиссии Совета Министров СССР по военно-промышленным вопросам опубликовать его”.

Последующие события развивались так: 4 апреля Королёв доложил Правительственной комиссии (заседание проходило на Байконуре) о готовности к осуществлению первого полёта человека в космос. 6 апреля утром Королёв собрал Совет главных конструкторов. Совещение поначалу носило чисто технический характер, обсуждались вопросы предстартовой подготовки ракеты-носителя и корабля. Затем перешли к составлению полётного задания первому космонавту. Особых споров не было, документ получился лаконичным, подписали его Королёв, Келдыш и Каманин.

Генерал К. А. Керимов, возглавлявший в ту пору ГУКОС (Главное управление космических средств Минобороны), рассказывал:

– Особо волновал конструктора тот вариант, когда двигатель третьей ступени ракеты не дорабатывал нескольких секунд до расчётного времени. При такой ситуации космонавт приводнялся в океане, вблизи мыса Горн – южная точка Южной Америки. Этот район известен постоянными штормами. Почему-то именно мыс Горн не давал Королёву покоя... За несколько дней до запуска “Востока” – это название он придумал сам – главный конструктор потребовал, чтобы в бункере, откуда выдавались команды и велось наблюдение за ракетой, наши военные специалисты установили телеграфный аппарат, соединённый линией связи с одним из восточных измерительных пунктов. В случае нормальной работы двигателя блока “Е” этот аппарат выбивал на ленте “пятёрки”, а в случае остановки – “двойки”...

Дмитрий Фёдорович Устинов – первое ответственное должностное лицо в Советском правительстве и государстве после Хрущёва – в семье объявил, что он на день рождения своей супруге 12 апреля готовит такой подарок, о котором узнает всё человечество. Жена – Таисия Алексеевна – и другие члены семьи встретили эту информацию с интересом и любопытством, она заинтриговала, особенно молодых. Кто-то предположил: возможно, будет запущен очередной искусственный спутник Земли или новые Стрелки и Белки. И на этом догадки закончились...

За три недели до старта Гагарина, 23 марта 1961 года в отряде космонавтов произошла трагедия – погиб старший лейтенант Валентин Васильевич Бондаренко. Его биография была простой. Он родился в 1937 году в рабочей украинской семье. В 1954 году окончил школу, затем был призван в армию, поступил в авиационное училище. В начале 1960 года начал тренировки в отряде космонавтов.

В тот день он находился в сурдобарокамере, где провёл уже около десяти суток. Закончив медицинские эксперименты, он снял с себя телеметрические датчики, протёр лицо смоченной в спирте ватой и бросил её на пол. К несчастью, она упала на включённую электроплитку и вспыхнула. Атмосфера сурдобарокамеры была перенасыщена кислородом. На Бондаренко загорелся тренировочный костюм, но всей опасности Валентин не осознал и не подал сигнала бедствия, пытаясь самостоятельно сбить с себя пламя. Когда обслуживающий персонал узнал о происшествии, возникла новая проблема: в сурдобарокамере было пониженное давление, и поэтому нельзя было сразу открыть дверь. Пока выравнивали давление, были потеряны драгоценные секунды. Бондаренко был ещё в сознании, когда его извлекли из “плена”, но обгорел он смертельно. В эти минуты его не оставляла мысль о судьбе товарищей по работе. Он хотел отвести от них тяжёлые обвинения в случившемся и, не переставая, повторял: “Я сам виноват. Никого не вините”.

Он умер через несколько часов. Бондаренко похоронили в Харькове, где жили его родители.

Безусловно, гибель Бондаренко произвела на всех космонавтов, в том числе и на Гагарина, гнетущее впечатление. Прощаясь с товарищем, Юрий сказал, что они всё равно выполнят поставленные перед ними задачи.

Сохранилось письмо Юрию Алексеевичу от канадца Ирвинга Лазара. Среди вопросов, с которыми он обратился к Гагарину, были и такие: “Если личные интересы требуют солгать, – предположим, что сложились такие обстоятельства, – нужно ли лгать вопреки принципам или нужно говорить правду? Далее. Я считаю, что способных людей больше, чем мест, где они могут проявить способности. Выходит, для того, чтобы добиться успеха, нужно “перерезать горло другому”. Считаете ли Вы это правильным, и если да, то справедливо ли это?”

Вот что ответил Гагарин Ирвингу: “Ты спрашиваешь, нужно ли лгать, когда этого требуют личные интересы? Нет, Ирвинг, я думаю, нужно быть честным и говорить то, что ты действительно думаешь. Тогда ты будешь уважать себя сам и заслужишь уважение других. Я думаю, что смелым и сильным человеком, настоящим мужчиной может быть правдивый человек. Тот, кто лжёт, не станет настоящим другом, ему никогда будет нельзя довериться. И если мне суждено когда-нибудь стартовать на ракете в космос вдвоём, то мой товарищ будет человеком, который никогда не солжёт ради личной выгоды.

...А насчет “перерезать другому горло”, то в таком случае победителем всегда будет тот, у кого больше шулак или больше денег. Но тогда, как ты сам понимаешь, хорошее место займут люди, которые вовсе недостойны его. Принцип “резать другому горло” – бесчеловечен...”

Свою позицию человека, на которого возложена особая миссия, Гагарин осознал не сразу, но его первое обращение к землянам, записанное накануне старта, было спокойным и взвешенным.

“Дорогие друзья, близкие и незнакомые, соотечественники, люди всех стран и континентов! Через несколько минут могучий космический корабль унесёт меня в далекие просторы Вселенной. Что можно вам сказать в эти последние минуты перед стартом? Вся моя жизнь кажется мне одним прекрасным мгновением. Всё, что прожито, сделано прежде, было прожито и сделано ради этой минуты. Быть первым в космосе, выступить один на один в небывалый поединок с природой – можно ли мечтать о большем? Но вслед за этим я подумал о той колоссальной ответственности, которая легла на меня – первым проложить дорогу Человечеству в космос. Назовите мне большую по сложности задачу, чем та, что выпала мне. Это ответственность не перед одним, не перед десятками людей, не перед коллективом. Это ответственность перед всем Советским народом, перед всем Человечеством, перед его настоящим и будущим. И если я, тем не менее, решаюсь на этот полёт, то только потому, что я коммунист, что имею за спиной образцы беспримерного героизма моих соотечественников – советских людей. Я знаю, что соберу всю свою волю для наилучшего выполнения задания Коммунистической партии и Советского народа. Счастливы ли я, отправляясь в космический полёт? Конечно, счастлив. Ведь во все времена и эпохи для людей было высшим счастьем участвовать в новых открытиях”.

– Располагайся удобней, Юра, – сказал Гагарину ведущий конструктор скафандров Фёдор Востоков, когда Гагарин находился уже в космическом корабле. – Тебе в этой позе придётся просидеть почти два часа.

– Не переживайте, Фёдор. Всё будет в порядке.

Фёдор Востоков еще раз перепроверил подсоединение скафандра к системам жизнеобеспечения корабля и надёжность фиксации в кресле:

– Счастливы, Юра! Ждём на земле!

Юрий приподнял руку и приветственно помахал ею, ибо через остекление скафандра услышать его было невозможно.

Олег Генрихович Ивановский – ведущий конструктор космических кораблей “Восток” – был последним, кто закрыл за Юрием Гагариным люк. Эти документальные кадры, снятые на Байконуре за 2 часа до старта, обошли весь мир. Уж ему-то было известны все тайны, связанные с космической тематикой, он был свидетелем и участником всех запусков космических аппаратов на околоземную орбиту. Олег Генрихович с усмешкой говорил о тех сенсациях, которые появлялись в зарубежной печати, а после начали тиражироваться и нашими средствами массовой информации. “Наверное, мы сами своей

секретностью давали повод для подобных спекуляций. Сейчас кажется, ничего особенного, — вспоминает Олег Генрихович. — Но тогда!.. Всё было под бдительным оком секретных служб. Начиная от лабораторий до конструкторских бюро. Но они нам не мешали. Мы делали своё дело, они — своё. До люка Гагарина провожали я и Фёдор Анатольевич Востоков. Помогли первому космонавту лечь в кресло. Устроившись, Юрий начал проверку радиосвязи. Я протиснулся в кабину. Обнял его, пожал руку и, похлопав по шлему, отошёл в сторону. Мгновение — и крышку люка накинули на замки. И вдруг слышу по связи Королёва: “Правильно ли установлена крышка? Нет ли перекосов?” — “Нет, Сергей Палыч, всё нормально”, — отвечаю. “Вот в том-то и дело, что не нормально! Нет КП-3!” Я похолодел. КП-3 — это контакт-датчик, сигнализирующий о прижиге крышки к шпангоуту люка. “Крышка, Сергей Палыч, установлена правильно”. — “Что можете сделать для проверки контакта? Успеете снять и снова установить крышку?” — в голосе Главного конструктора — металл. Я посмотрел на монтажников Морозова и Селезнёва. Они, спокойно, — на меня. Без слов поняли друг друга. “Успеем, Сергей Палыч. Только передайте Юрию, что откроем люк”. Казалось, всё делалось само. Сняли 32 гайки с замков, сняли крышку. Заметил, что Юрий, чуть приподняв левую руку, внимательно смотрит на меня в маленькое зеркальце, пришитое на рукаве, и тихонько насвистывает мотив песни “Родина слышит, Родина знает...” Посмотрел на кронштейн, на котором стоял КП-3. Всё было на месте. Прощаться с Юрой ещё раз было некогда, успел поймать только в зеркальце его хитроулыбчивый взгляд. Крышка опять на замках. Снова гайки. Первая... Есть тридцать вторая! Стрелка вакуумметра неподвижна: есть герметичность!”

Понятно, что никто, в том числе сам Сергей Павлович Королёв, не мог дать гарантии, что все будет так, как задумано, потом тот же Ивановский скажет, что шансы благополучно завершить полёт равны были пятьдесят на пятьдесят. Риск с эксплуатацией авиационной техники существует всегда. Что тогда говорить о такой сложной инженерной системе, которой являлся космический корабль!

“А потом мы полетели на вертолёт на место посадки “Востока”. Когда наш вертолёт сел, не дожидаясь, пока выйдет начальство, я бегом бросился к обугленному шару. На земле — обгоревший болт. От замка крышки люка! Реликвия! Он долго хранился у меня”.

Интересно послушать, что говорят наши специалисты о том теперь уже историческом времени, когда они готовили к запуску в космос Гагарина.

— Сегодня смешно читать — надо же столько напридумывать! — вспоминал Олег Генрихович Ивановский. — Только что прочитал у одного автора: мол, на втором спутнике в 1957 году собака Лайка уцелела на взлете и благополучно вернулась на Землю. И ведь книжка-то какая — история космонавтики! Или, например, из другой: якобы для того, чтобы первый спутник можно было засечь с Земли, его поверхность сделали чуть ли не зеркальной и даже позолоченной. Да ничего подобного! Спутник был обработан совершенно другим способом — электрохимическим полированием. Кстати, когда публиковалось: вот, мол, летит спутник, смотрите, тоже было враньё. Потому что спутник простым глазом никто не мог видеть. Звёздочка, которую многие наблюдали, была лишь центральным блоком ракеты. А это махина в 7 тонн, а никак не 86 кило “шарика”. Блок видели, потому что он тоже стал спутником, пока не сгорел.

Из семи полётов кораблей “Восток” до Гагарина лишь три были успешными. А на Землю вернулись два. Поэтому риск был, конечно, большой. Но по уровню наших знаний и наших возможностей для безопасности полёта было сделано всё. Больше просто придумать уже не могли. До сих пор в зарубежной печати можно встретить сообщения, что, дескать, до Гагарина в космосе побывал другой космонавт. Но он погиб, и это держится в секрете. И сегодня мало кто знает о манекенах, летавших на орбиту. Мы их называли “Иван Иванычами”. Это была не просто кукла: медики старались ее напичкать всевозможными датчиками. Причём человеческий облик она имела самый что ни на есть — и рост, и волосы, и ноготочки, и всё прочее. Сходство было настолько реальным, что мы были вынуждены, работая в цехе, надевать на манекены халаты. Просто неприлично было им стоять голыми. Потом их снабдили средствами связи, шлемофоны надели, ларинги. А чтобы замкнуть весь цикл радиосвязи с Землёй, в рот поместили динамик. Долго думали, какой звук

должен выдавать “Иван Иванович”. Просто музыку поставить? Не пойдёт — нужна артикуляция, человеческий голос. Просто речь записать на магнитофон? Тоже нельзя. Ведь если пойдёт голос с орбиты, тут же на Западе заявят, что в Советском Союзе вывели человека в космос и он оттуда что-то кричит. А раз публикации нет, значит, это секретный пуск, шпион в космосе. Тогда решили — запишем песню. Опять нам говорят: вы что? Космонавт сошел с ума — песни поёт. В общем, остановились на записи хора Пятницкого. Представляете, картинка? Ночь, тишина в зале — идут комплексные испытания “Иван Ивановича”. Манекен стоит, прислонённый к стенке, даётся команда, и он поёт... хором Пятницкого. Самое забавное: когда повредили на одном манекене голову, с полигона на завод-изготовитель ушла телефонограмма: “У “Иван Ивановича” повреждена голова. Срочно пришлите запасную”. С завода отвечают: “Запасных голов нет. Обходитесь своими”. Помню, когда первого из них одели уже не в белый халат, а в настоящий лётный скафандр, подошел Королёв. Посмотрел и говорит: “Не надо было придавать манекену такого человеческого подобия. А вдруг после приземления подойдёт к манекену кто-нибудь из местных жителей, пожалуй, и недоразумение может произойти”. Тогда решили на спине скафандра крупными буквами написать: “Макет”, а лицо под шлемом закрыть куском белого поролона и на нем сделать такую же надпись.

Из дневника генерал-полковника Николая Петровича Каманина.

“10 апреля 1961 года.

В 11 часов в павильоне на берегу Сырдарьи состоялась встреча с космонавтами. В очень простой, дружественной обстановке Руднев, Москаленко, Королёв встретились с Гагариным, Титовым, Нелюбовым, Поповичем, Николаевым и Быковским. Встреча началась с выступления Королёва. Он сказал: “Не прошло и четырёх лет с момента запуска первого спутника Земли, а мы уже готовы к первому полёту человека в космос. Здесь присутствуют шестеро космонавтов, каждый из них готов совершить первый полёт. Решено, что первым полетит Гагарин, за ним полетят другие — уже в этом году будет подготовлено около десяти кораблей “Восток”. В будущем году мы будем иметь двух- или трёхместный корабль “Север”. Я думаю, что присутствующие здесь космонавты не откажут нам в просьбе “вывести” и нас на космические орбиты. Мы уверены — полёт готовился обстоятельно, тщательно и пройдёт успешно. Успеха вам, Юрий Алексеевич!”

Вечером состоялось торжественное заседание Государственной комиссии под председательством Руднева. В коротком вступительном слове председатель объявил о цели собрания и предоставил слово Королёву. Сергей Павлович сказал: “Корабль готов, вся аппаратура и оборудование проверены и работают отлично, прошу комиссию разрешить первый в мире полёт космического корабля с пилотом-космонавтом на борту”. Комиссия единогласно решила: “Утвердить предложение Королёва о производстве первого в мире полёта космического корабля “Восток” с космонавтом на борту 12 апреля 1961 года”. Затем слово предоставили мне. Я официально представил комиссии всех космонавтов — Гагарина, Титова, Нелюбова, Николаева, Быковского, Поповича и доложил, что все они отлично сдали выпускные государственные экзамены. Приказом Главнокомандующего ВВС, Главного маршала авиации К. А. Вершинина им впервые в нашей стране официально присвоено звание пилотов-космонавтов ВВС. Любой из шести полностью подготовлен и готов совершить первый космический полёт. Трудно из шести отличных выделить первого. Я сказал, что, по мнению командования ВВС, первым можно утвердить Гагарина, а запасным — Титова. Комиссия единогласно утвердила первым пилотом-космонавтом Гагарина Юрия Алексеевича, а запасным — Титова Германа Степановича. Заседание комиссии было заснято на киноплёнку, а все выступления записаны на магнитофон. Заседание проходило в зале монтажного корпуса на 2-й площадке, присутствовали более 70 человек”.

Говорят, что люди по типу психики делятся на “жаворонков” и “сов”. Юрий, безусловно, относился к типичным “жаворонкам”. Особое внимание врачей было направлено на снятие у космонавтов психических нагрузок и на поиски рациональных и эффективных способов обеспечения организма полноценным отдыхом. Поэтому сон космонавтов, находившихся на непосредственной подготовке, был взят врачами под особый контроль, для чего их на несколько дней помещали в профилакторий.

Гагарину спать приходилось под контролем датчиков, которые перед сном врачи размещали на всём теле.

Накануне полёта Юрий пришёл в профилакторий уставший. Но, зайдя в комнату, где готовили аппаратуру для контроля за сном, он весело произнёс:

– Ну и выплусь я сегодня под неусыпным оком этих игрушек с вашими добрыми напутствиями...

Гагарин по пояс разделся, ему начали наклеивать датчики.

– Ох! С устатку граммов пятьдесят бы этой жидкости для полноценного сна, – проговорил Юрий.

– Вот когда слетаешь, то можешь и сто, – улыбнувшись, пошутил врач.

Когда процедура наклейки датчиков закончилась, Гагарин, взглянув на медсестер и лаборанток, сочувственно сказал:

– Эх, девчонки, мне-то спать, а вам ещё дежурить!

В комнате отдыха Гагарин подсоединил датчики к аппаратуре контроля, по возможности удобно, насколько позволяла система проводов, опутавшая его тело, устроился в постели.

Несколько минут самописцы фиксировали деятельность бодрствующего организма, а потом пошли сигналы спокойно спящего человека.

– Умеет же Юра так быстро отключаться! – удивился врач.

Так до утра сигналы самописцев и не изменили своих показаний. Гагарин умел себя настраивать на длительный и напряженный труд, но так же искусно мог давать себе команду на полный отдых. Врачи неоднократно отмечали его умение управлять собой...

Из дневника Каманина.

“12 апреля 1961 года, среда. Тюра-Там, площадка № 2.

В 4.50 местного времени я, Карпов и Никитин встали как по команде. В 5.30 будем поднимать Юру и Германа. Ночь прошла очень хорошо, заснули около 22 часов. Чуть начинает рассветать, на дороге усиливается движение. Приехали наши с десятой площадки, Карпов пошёл поднимать молодежь.

В 6.00 состоялось заседание комиссии. Оно было удивительно простым и коротким. Все доклады сводились к одной фразе: “Замечаний нет, всё готово, вопросов нет, можно производить пуск”. После заседания я подписал полётное задание, съездил в МИК и посмотрел, как идет медицинский осмотр и надевание скафандров. Всё шло точно по расписанию. В 8 часов я вместе с ведущим инженером корабля на лифте поднялся кверху ракеты и проверил шифр (145) логического замка. Логический замок работал нормально. В 8.20 на старт прибыл маршал Москаленко. Мы с ним договорились о посадке Гагарина в корабль. Автобус с космонавтами должен прибыть на стартовую площадку в 8.50. Все космонавты и провожающие остаются у автобуса, до лифта Гагарина должны провожать Королёв, Руднев, я и Москаленко.

Намеченный порядок удалось соблюсти с трудом. Выйдя из автобуса, Юра и его товарищи немного расчувствовались и начали обниматься и целоваться. Вместо пожелания счастливого пути некоторые прощались и даже плакали – пришлось почти силой вырывать космонавта из объятий провожающих. У лифта я крепко пожал Юре руку и сказал: “До встречи в районе Куйбышева через несколько часов”.

...Пожалуй, последние секунды, когда начался обратный отсчёт, стали для Гагарина самыми продолжительными во всей его жизни. Если говорить, что он не волновался, то это будет неправдой. Предстоял не просто полёт, а старт в неизведанное. Медики, инженеры, конструкторы, психологи, ученые, летчики дали ему всё, что они могли дать, предполагая самые непредвиденные ситуации, которые могли возникнуть при подготовке к запуску и во время полёта. Но у них не было опыта пилотируемых космических полётов, и здесь никто не мог подсказать или рассказать, что ждёт его, когда заработают двигатели ракеты. Не было ещё тренажеров, которые могли бы дать полную иллюзию полёта, вообще впереди была неизвестность. И известность при удачном завершении эксперимента. Но Юрий об этом не думал, все его существо было готово к предстоящему испытанию... Всё шло штатно. 10, 9, 8, 7, 6, 5, 4, 3, 2, 1.

“Поехали!!!”

Рассказывает Гагарин:

“Произведено закрытие люка № 1. Слышал, как его закрывают, как стучат ключами. Потом начинают люк вновь открывать. Смотрю, люк сняли. По-

нял, что-то не в порядке. Мне Сергей Павлович говорит: “Вы не волнуйтесь, один контакт почему-то не прижимается. Всё будет нормально”. Расчетом скоро были переставлены платы, на которых установлены концевые выключатели. Всё подправили и закрыли крышку люка.

Объявили часовую готовность, получасовую, записали физиологические функции. В общем, всё проходило нормально.

Потом объявили 15-минутную готовность. Надел гермоперчатки. Закрыл шлем. Пятиминутная готовность. Минутная готовность и старт. До этого было слышно, как разводили фермы. Получаются какие-то мягкие удары по конструкции ракеты. Ракета как бы немножко покачивалась.

Потом началась продувка. Слышал, как работали клапана. Затем был произведён запуск. Двигатели вышли на предварительную ступень. Появился легкий шум. Затем на промежуточной ступени шум усилился. Когда двигатели вышли на главную, основную ступень, шум усилился, но не был слишком резким, который заглушал или мешал бы работе. Шум приблизительно такой же, как в самолёте. Я готов был к гораздо большему шуму. Затем ракета плавно, мягко снялась со своего места. Я даже не заметил, когда она пошла. Потом чувствовал, как по конструкции ракеты пошла мелкая дрожь. Характер вибрации: частота большая, амплитуда небольшая.

Я приготовился к катапультированию. Сичу, наблюдаю процесс подъёма. Слышу, докладывает Сергей Павлович о том, что идёт 70 сек. В районе 70-й сек. плавно меняется характер вибрации. Частота вибрации падает, а амплитуда растёт. Возникает как бы тряска. Потом постепенно эта тряска затихает, и к концу работы первой ступени вибрация становится такой же, как в начале её работы. Перегрузка плавно растёт, но она вполне переносимая, как на обычных самолётах. Примерно 5 g. При этой перегрузке я всё время репортаж и связь со стартом. Было несколько трудно разговаривать, так как стягивало все мышцы лица. Несколько поднапрягся. Дальше перегрузка стала расти, достигла своего пика и начала плавно уменьшаться. Затем почувствовал резкий спад перегрузки. Ощущение было таким, как будто что-то сразу отрывается от ракеты. Почувствовал что-то вроде хлопка. При этом резко упал шум. Будто возникло состояние невесомости, хотя в это время перегрузка была равна 1. Затем опять появляется и начинает расти перегрузка. Начинает прижимать к креслу, уровень шума значительно меньше. На 150-й сек. отделился головной обтекатель. Процесс очень яркий. Получился толчок, хлопок. Одна половина обтекателя как раз была против “Взора” (“Взор” – оптическое устройство для ориентации космического корабля в пространстве). У меня светофильтр “Взора” был закрыт, а шторка открыта. Обтекатель медленно пошёл вниз от “Взора”, за ракету.

В это время во “Взоре” была очень хорошо видна Земля. Как раз не было облачности. Видел складки местности, немножко гористый район. Видны были лес, реки, овраги. Я не мог привязать то, что видел, так как во “Взоре” оказалось очень мало территории. По-моему, Обь там была или Иртыш, но видно было, что это большая река и на ней острова. Можно видеть всё. Я вёл репортаж об этом.

Когда идёт ракета, то по “Взору” можно наблюдать, что она немножко колеблется вокруг продольной оси по крену, но колебания незначительные. Ракета как бы живёт.

К концу работы первой ступени, когда слетел головной обтекатель, во “Взоре” горизонт немного до верхнего края не доходил. Ракета шла с некоторым углом тангажа (тангаж – угловое движение летательного аппарата относительно поперечной оси). Затем к концу работы второй ступени она легла по горизонту и даже несколько ниже горизонта. Здесь был некоторый небольшой просвет по “Взору”.

На 211-й сек. опять плавно начали нарастать перегрузки. Вторая ступень выключается примерно так же, как и первая. При этом происходят такой же резкий спад перегрузок и падение шума, такое же ощущение невесомости.

Невесомость была примерно секунд 10–15 до включения третьей ступени.

Затем слышал глухой хлопок и включение третьей ступени. Она работала очень плавно. Ракета как бы подошла и нежненько всё повела от нуля.

Очень плавно стала появляться перегрузка. Затем по “Взору” горизонт занял всё его кольцо. Начал увеличиваться угол тангажа, и к концу работы третьей ступени примерно только половина внешнего кольца “Взора” была за-

нята горизонтом. Затем я наблюдал, передавал, вёл репортаж, видел облачность, тень облаков на Земле. Землю во “Взор” видно очень хорошо. Предметы на Земле хорошо различимы. Выключение третьей ступени было резким. Перегрузка немножко возросла, почувствовал резкий хлопок. Примерно секунд через 10 произошло разделение. При этом почувствовал толчок. Корабль начал медленно вращаться.

Земля стала уходить влево, вверх, затем вправо, вниз. Вращение было хорошо видно во “Взоре”. Видел я горизонт, звезды, небо. Небо совершенно чёрное, чёрное. Величина звезд и их яркость немножко чётче на этом чёрном фоне, скорость перемещения их во “Взоре” и в правом иллюминаторе большая. Виден очень красивый горизонт, видна окружность Земли. Горизонт имеет красивый голубой цвет. У самой поверхности Земли нежно-голубой цвет, постепенно темнеющий и переходящий в фиолетовый оттенок, который плавно переходит в чёрный цвет.

В это время вёл устойчивую хорошую связь с Колпашево – “Зарёй-2”.

При пролёте Елизово связь была нормальной. Я несколько раз повторял свои доклады и донесения. Как только произошло разделение, сразу же включился цикл № 1, пошёл ПКРС, подвижный индекс, пошли часы. Вся система спуска заработала. Произвёл доклад. Связь с Елизовым прекратилась примерно, когда по глобусу было 30° сев. широты. Сразу после доклада по УКВ произвёл доклад по КВ. Но по КВ подтверждение докладов и команд в это время ни от кого не получал. Связи не было. Примерно градусов около 30 сев. широты услышал “Амурские волны”, которые передавал Хабаровск. На этом фоне услышал телеграфные позывные “ВСН” – “Весны”. В это время я опять начал связь с “Весной”, но никто не отвечал. Производил записи наблюдений в боржурнал.

При пролёте над морем поверхность его казалась серой, а не голубой. Поверхность неровная, как бы в виде песочных барханов на фотографии. Мне кажется, что сориентироваться над морем будет вполне возможно. Можно вести ориентировку, привязаться к местности, сориентировать корабль для включения тормозной установки.

Доклады осуществлял в соответствии с заданием в телеграфном и телефонном режимах. Произвел приём воды и пищи. Воду и пищу принял нормально, принимать можно. Никаких физиологических затруднений при этом я не ощущал. Чувство невесомости несколько непривычное по сравнению с земными условиями. Здесь возникает такое ощущение, как будто висишь в горизонтальном положении на ремнях, как бы находишься в подвешенном состоянии. Видимо, подогнанная плотно подвесная система оказывает давление на грудную клетку и поэтому создаётся такое впечатление, что висишь. Потом привыкаешь, приспосабливаешься к этому. Никаких плохих ощущений не было.

Производил записи в боржурнал, доклады, работал телеграфным ключом. Когда принимал пищу, пил воду, пустил планшет, и он с карандашом “плавал” передо мной. Затем надо было мне записать очередной доклад. Взял планшет, а карандаш на месте не оказалось. Улетел куда-то. Ушко было перевернуто к карандашу шурупчиком, но его, видимо, надо было или на клей поставить, или потуже завернуть. Этот шуруп вывернулся, и карандаш улетел. Свернул боржурнал и вложил в карман. Всё равно не пригодится, писать же нечем.

В это время я был в тени Земли, а ещё до входа в тень Земли всё время производил запись на магнитофон. Перед входом в тень Земли в магнитофоне кончилась вся лента. Магнитофон не работал.

Я принял решение перемотать ленту, чтобы произвести дальнейшие записи. Переключил его на ручное управление и перемотал. По-моему, не до конца перемотал. И затем, когда производил доклады, то запись на магнитофон осуществлял вручную, так как при автоматической работе магнитофона он почти всё время работает и, естественно, много расходуется ленты. Это вызывается высоким уровнем шума в кабине.

Перед этим я вошёл в тень Земли. Вход в тень Земли очень резкий. До этого временами наблюдал сильное освещение через иллюминаторы. Приходилось отворачиваться от него или прикрываться, чтобы свет не попадал в глаза. Затем посмотрел в один иллюминатор – на горизонте ничего не видно. Темно. В другой – тоже темно. Думаю, что же такое? Заметил по времени, что это связано со входом в тень.

В это время корабль вращался, градуса 2–3 в секунду. Горизонта и Земли не было видно. Звёзд тоже не видно. Но тут я сообразил, что, очевидно, попал иллюминатор на Землю. Когда “Взор” и иллюминатор выходили на небо, то на чёрном его фоне видны звёзды. Иногда в иллюминатор попадало 2–3 звезды каких-то созвездий. Но созвездия определить было трудно, потому что не всё созвездие попадает в иллюминатор. Включилась солнечная система ориентации, о чем я доложил по КВ и по телеграфу.

Начал расходоваться воздух. При работе солнечной ориентации воздух расходовался из обеих систем одновременно. К моменту выхода из тени давление в системах ориентации было примерно 150–152 атм. Я почувствовал, что, когда включилась система ориентации, угловое перемещение корабля изменилось и стало очень медленным, почти незаметным. В это время произво­дил доклад по КВ и через систему “Сигнал” в телеграфном режиме.

При полёте примерно градусов до 4 южн. широты я не слышал Землю. Градусов около 40–45 южн. широты по глобусу слабо прослушивались музыка и позывные. Меня телефоном вызывали: “Кедр, я Весна” и еще что-то говорили, но остальных слов я разобрать не мог. Позывные повторялись три раза. Я сразу включился на передачу, стал передавать: “Как меня слышите? Ответьте на связь”. Чем ближе подлетал к апогею, тем больше улучшалась слышимость, и, примерно, когда проходил мыс Горн (в апогее), получил очередное сообщение. Мне передали, что меня поняли, и я очень хорошо понял это. Мне сообщили, что корабль идёт правильно, орбита расчётная, все системы работают хорошо. Я соответственно продолжал доклады.

Перед выходом из тени я внимательно смотрел в иллюминатор “Взора”, который был под углом к горизонту. Очень хорошо был виден горизонт. По самому горизонту наблюдал радужную оранжевую полосу, напоминавшую по своей окраске цвет скафандра. Далее окраска немного темнеет и цветами радуги переходит в голубой цвет, а голубой переходит в чёрный цвет. Совсем чёрный. В это время стало плавно падать давление в системах ориентации. Почувствовал более упорядоченное движение объекта по тангажу. Затем корабль стал рыскать. Я понял, что системой солнечной ориентации Солнце “загоняется” в центральный датчик. Вскоре корабль приобрёл устойчивое исходное положение для спуска. ТДУ (тормозная двигательная установка) была направлена на Солнце и довольно устойчиво. В это время была очень хорошая ориентация по “Взору”. Во внешнем кольце весь горизонт был вписан совершенно равномерно. Видимые мною предметы двигались строго по стрелкам “Взора”, т. е. так, как нужно при осуществлении ориентации вручную, затем Земля плавно начала уходить в левый угол, вперёд (от ног).

В это время производил доклады. В системе ориентации давление постепенно падало и к моменту запуска ТДУ было примерно 110 атм. Производил записи на магнитофон, доклады по телеграфу и телефону, по КВ. В это время КВ-связь была хорошая. Очевидно, со мной работали радиостанции Москвы.

На 56-й минуте прошла первая команда. Я сразу доложил об этом. Ориентация была хорошей, корабль некоторое время имел вращение по крену, но очень малое. За время, как корабль вышел из тени и до включения ТДУ, он развернулся примерно градусов на 30. Может быть, даже несколько меньше. Затем прошла вторая команда. При этом я опять сделал доклад в телефонном и телеграфном режимах. Заметил давление в баллоне ТДУ, давление в системе ориентации, показания всех приборов, время прохождения команды и всё записал на магнитофон. Приготовился к спуску. Закрыв правый иллюминатор. Притянулся ремнями, закрыл гермошлем и переключил освещение на рабочее. Затем в точно заданное время прошла третья команда. Как только погасло окошко при прохождении третьей команды, я стал наблюдать за давлением в ТДУ и в системе ориентации. Оно стало резко падать с 320 атм. Стрелка прибора чётко шла на уменьшение давления. Я почувствовал, как заработала ТДУ. Через конструкцию ощущался небольшой зуд и шум. Я засек время включения ТДУ. Перед этим секундомер поставил на нуль. ТДУ работал хорошо. Его включение произошло резко. Перегрузка выросла немного, и потом резко опять появилась невесомость. Стрелки в этот момент в системе автоматической ориентации и в баллоне ТДУ сразу прыгнули на нуль. Время работы ТДУ составило точно 40 сек. В этот период произошло следующее. Как только выключилась ТДУ, произошёл резкий толчок, и корабль начал вращаться вокруг своих осей с очень большой скоростью. Земля у меня проходила во

“Взоре” сверху справа вниз и влево. Скорость вращения была градусов около 30 в секунду, не меньше. Получился “кордебалет”: голова-ноги, голова-ноги с очень большой скоростью вращения. Всё кружилось. То вижу Африку (над Африкой произошло это), то горизонт, то небо. Только успевал закрываться от Солнца, чтобы свет не падал в глаза. Я поставил ноги к иллюминатору, но не закрывал шторы. Мне было интересно самому, что происходит. Я ждал разделения. Разделения нет. Я знал, что по расчету это должно было произойти через 10–12 сек. после выключения ТДУ. При выключении ТДУ все окошки на ПКРС погасли. По моим ощущениям больше прошло времени, но разделения нет. На приборе “Спуск-1” не гаснет, “приготовиться к катапультированию” – не загорается. Разделение не происходит. Затем вновь начинают загораться окошки на ПКРС: сначала окошко третьей команды, затем – второй и затем – первой команды. Подвижный индекс стоит на нуле. Разделения никакого нет. “Кордебалет” продолжается. Я решил, что тут не всё в порядке. Засек по часам время. Прошло минуты две, а разделения нет. Доложил по КВ-каналу, что ТДУ сработало нормально. Прикинул, что всё-таки сяду нормально, так как тысяч 6 км есть до Советского Союза, да Советский Союз тысяч 8 км, значит, до Дальнего Востока где-нибудь сяду. “Шум” не стал поднимать. По телефону доложил, что разделение не произошло.

Я рассудил, что обстановка не аварийная. Ключом я передал “ВН” – всё нормально. Через “Взор” заметил северный берег Африки, Средиземное море. Всё было чётко видно. Корабль продолжал вращаться”.

Позже журналист И. Листов попытался разобраться, что же произошло с кораблём “Восток” перед спуском.

После включения тормозной двигательной установки она в течение 1–2 сек. работает нормально. При появлении рабочего давления в камере сгорания должен закрыться клапан ОКНК. Однако этого не происходит, клапан закрывается не полностью и не обеспечивает герметичности, в результате чего горючее штатно поступает в камеру сгорания и нештатно – через не закрывшийся клапан – в полость “разделительного” мешка бака горючего. Горючее, поступившее в полость “разделительного мешка”, не могло быть использовано для выработки тормозного импульса, то есть имела место нерасчётная потеря горючего. В результате такой “перекачки” горючего не хватило на отработку штатного импульса тяги на 0,5–1 сек. до формирования интегратором ГК (главной команды), по которой произошло бы штатное выключение двигателя.

После самопроизвольного прекращения работы двигателя главная команда на выключение двигателя не прошла, и арматура ТДУ осталась открытой. По открытым трактам газ наддува и окислитель под давлением порядка 60 атмосфер продолжали поступать в камеру сгорания и в рулевые сопла по тангажу, крену и рысканью. Поскольку процесс истечения смеси газа наддува и окислителя через камеру и в особенности через рулевые сопла был произвольным и неконтролируемым, возникло мощное возмущающее воздействие на космический аппарат. Неконтролируемое истечение смеси газа наддува и окислителя в ТДУ продолжалось до 44 сек. после запуска, пока отсечные клапаны ОКГ и ОКО не перекрыли тракты подачи горючего и окислителя по команде на выключение ТДУ от временного механизма.

Вернёмся к рассказу Гагарина.

“Разделение я резко почувствовал, – вспоминал Гагарин. – Произошёл хлопок, затем толчок, вращение продолжалось. Погасли все окошки на ПКРС. Включилась только одна надпись: “Приготовиться к катапультированию”. Я заметил, что высота полёта всё-таки стала ниже, чем, скажем, в апогее. Здесь предметы на Земле различались резче. Я закрыл шторку “Взора”. Вращение шара продолжалось по всем осям с прежней скоростью (30° в секунду). Затем начал чувствовать торможение и какой-то слабый зуд, идущий по конструкции корабля. Еле ощутимый зуд, который ощущается через ноги, стоящие на кресле. Я занял позу для катапультирования. Сажу, жду.

Начинается замедление вращения корабля, причём по всем трём осям. Корабль начал колебаться примерно на 90° вправо и влево. Полного оборота не совершалось. По другой оси такие же колебательные движения с замедлением. В это время иллюминатор “Взора” был закрыт шторкой. Вдруг по краям шторы появился ярко-багровый свет. Такой же багровый свет наблюдался и в маленькое отверстие в правом иллюминаторе. Ощущал колебания корабля и горение обмазки. Я не знаю, откуда потрескивание шло: или кон-

струкция потрескивала, расширялась ли тепловая оболочка при нагреве, но слышно было потрескивание. Происходило одно потрескивание примерно в минуту. В общем, чувствовалось, что температура была высокая. Потом несколько слабее стал свет во “Взоре”. Перегрузки были маленькие, примерно 1–1,5 единицы. Затем начался плавный рост перегрузок. Колебания шара всё время продолжались по всем осям. К моменту достижения максимальных перегрузок я наблюдал всё время Солнце. Оно попадало в кабину в отверстие иллюминатора люка № 1 или в правый иллюминатор. По “зайчикам” я мог определить примерно, как вращается корабль. К моменту максимальных перегрузок колебание корабля уменьшилось до ± 15 градусов. К этому времени я чувствовал, что корабль идёт с некоторым подрагиванием. В плотных слоях атмосферы он заметно тормозился. По моим ощущениям, перегрузка была за 10 g. Был такой момент, примерно секунды 2–3, когда у меня начали “расплываться” показания на приборах. В глазах стало немного сереть. Снова поднатужился, поднапрягся. Это помогло, всё как бы стало на своё место. Этот пик перегрузки был непродолжительным. Затем начался спад перегрузок. Они падали плавно, но более быстро, чем они нарастали. С этого момента внимание своё переключил на то, что скоро должно произойти катапультирование. Когда перегрузки начали “жать”, Солнце мне било прямо в задний иллюминатор. Когда я начал готовиться к катапультированию, корабль развернуло к Солнцу примерно на 90° .

Когда перегрузки полностью спали, что, очевидно, совпало с переходом звукового барьера, стал слышен свист воздуха. В шаре отчетливо можно было слышать, как он идёт в плотных слоях атмосферы. Шум или свист был слышен так же, как обычно можно было слышать в самолётах, когда задросселируют двигатели или когда самолёт пикирует.

Вновь подумал о том, что сейчас будет катапультирование. Настроение было хорошее. Стало ясно, что сажусь не на Дальнем Востоке, а где-то здесь, вблизи расчётного района.

Момент разделения хорошо заметил. Глобус остановился приблизительно на середине Средиземного моря. Значит, всё нормально. Жду катапультирования. В это время приблизительно на высоте 7 тысяч метров происходит отстрел крышки люка № 1. Хлопок, и крышка люка ушла. Я сижу и думаю, не я ли это катапультировался? Так, тихонько голову кверху повернул. В этот момент произошел выстрел, и я катапультировался. Произошло это быстро, хорошо, мягко. Ничем я не стукнулся, ничего не ушиб, всё нормально. Вылетел я с креслом. Дальше стрельнула пушка, и ввёлся в действие стабилизирующий парашют.

На кресле я сидел очень удобно, как на стуле. Почувствовал, что меня вращает в правую сторону. Я сразу увидел большую реку. И подумал, что это Волга. Больше других таких рек нет в этом районе. Потом смотрю – что-то вроде города. На одном берегу большой город, и на другом – значительный. Думаю, что-то знакомое.

Катапультирование произошло, по моим расчетам, над берегом. Ну, думаю, очевидно, ветерок сейчас меня потащит, и придётся приводняться на воду. Потом отцепляется стабилизирующий парашют и вводится в действие основной. Проходило всё это очень мягко, так, что я ничего почти не заметил. Кресло также незаметно ушло от меня вниз.

Я стал спускаться на основном парашюте. Опять меня развернуло к Волге. Проходя парашютную подготовку, мы прыгали много как раз вот над этим местом. Я узнал железную дорогу, железнодорожный мост через реку и длинную косу, которая далеко в Волгу вдаётся. Я подумал о том, что здесь, наверное, Саратов. Приземляюсь в Саратове.

Затем раскрылся запасной парашют, раскрылся и повис. Так он и не открылся. Произошло только открытие ранца.

Я уселся поплотнее и стал ждать отделение НАЗ (носимый аварийный запас). Слышал, как дернул прибор шпильки. Открылся НАЗ и полетел вниз. Через подвесную систему я ощутил сильный рывок, и всё. Я понял, что НАЗ пошел вниз самостоятельно.

Вниз я посмотреть не мог, куда он там падает, так как в скафандре это сделать нельзя – жёстко к спинке привязан.

Тут слой облачков был. В облачке поддуло немножко, и раскрылся второй парашют. Дальше я спускался на двух парашютах.

Наблюдал за местностью, видел, где приземлился шар. Белый парашют, и возле него лежит черный, обгорелый шар. Это видел я недалеко от берега Волги, примерно в километрах 4 от моего места приземления.

Опускаясь, заметил, как справа от меня по сносу виден полевой стан. На нём много народу – машины. Рядом дорога проходит. Шоссе идёт на Энгельс. Дальше вижу, идёт речушка-овраг. Слева за оврагом домик, вижу, там какая-то женщина телёнка пасет. Ну, думаю, сейчас я, наверное, угожу в этот самый овраг, но ничего не сделаешь. Чувствую, все смотрят на мои оранжевые красивые купола. Дальше смотрю, как раз я приземляюсь на пашню. Думаю, ну сейчас приземлюсь. Как раз спиной меня несёт. Пробовал развернуться, в этой системе трудно развернуться, вернее, не развернешься. Перед землей, примерно метров за 30, меня плавно повернуло прямо лицом по сносу. Ветерок, как определил, был метров 5–7. Только успел я это подумать, смотрю, земля. Ногами “тук”. Приземление было очень мягкое. Пашня оказалась хорошо вспахана, очень мягкая, она ещё не высохла. Я даже не почувствовал приземления. Сам не понял, как уже стою на ногах. Задний парашют упал на меня, передний парашют пошёл вперед. Погасил его, снял подвесную систему. Посмотрел – всё цело. Значит, жив, здоров”.

Покойный ныне Аллен Уэлш Даллес, один из крестных отцов “холодной войны”, даже в день исторического старта самоуверенно изрек: “Блеф всё это! Мистификация. Они хотят обойти нас на словах!” И вроде неведомо ему было, что уже через пятнадцать минут после запуска “Востока” сигналы с борта космического корабля запеленговали наблюдатели с американской радарной станции “Шамия”, расположенной на Алеутских островах. Пятью минутами позже в Пентагон ушла срочная шифровка. Ночной дежурный, приняв её, тотчас же позвонил домой Джерому Вейзнеру – советнику президента Кеннеди. Заспанный Вейзнер взглянул на часы. Был 1 час 30 минут по вашингтонскому времени. С момента старта Гагарина прошло ровно 23 минуты.

Пройдут годы, и первый из землян, ступивший на Луну, скажет: “Он всех нас позвал в космос!” Это будут слова Нейла Армстронга.

Тем временем из Энгельсского аэродрома вылетела команда на вертолёте Ми-4, в её задачу входило найти и подобрать Гагарина. Они нашли спускаемый аппарат, но Гагарина рядом не было. Ситуацию прояснили местные жители, они сказали, что Гагарин уехал на грузовике в Энгельс. Вертолёт взлетел и взял курс на город. По дороге увидели грузовик, с которого махал руками Гагарин. Его подобрали, и вертолёт полетел на базу, послав радиogramму: “Космонавт взят на борт, следую на аэродром”.

Там Гагарина уже ждали, у трапа вертолёта гурьбой подошло всё руководство базы, ему вручили поздравительную телеграмму советского правительства. На “Победе” Гагарина повезли в диспетчерский пункт, а затем в штаб базы, для связи с Москвой. К полудню на аэродром с Байконура прибыли два самолета, Ил-18 и Ан-10, на них были сам заместитель командующего ВВС генерал-лейтенант Агальцов и группа журналистов. В течение трёх часов, пока устанавливали связь с Москвой, Гагарин давал интервью и фотографировался. С появлением связи лично доложил Брежневу и Хрущёву о выполнении полета. После доклада Гагарин погрузился на самолёт Ил-14 и полетел в Самару (тогда Куйбышев). Было принято решение во избежание шумихи сесть где-нибудь подальше от города. Но пока глушили двигатель и монтировали трап, собралось множество народа, подъехало местное партийное руководство. Когда смонтировали трап, Гагарин первым вышел из самолёта, поприветствовал собравшихся. После этого его увезли на обкомовскую дачу на берегу Волги. Там он принял душ и нормально поел. Через три часа после Гагарина в Самару прилетели Королёв и ещё несколько человек из Госкомиссии. В 9 часов вечера накрыли праздничный стол и отметили удачный полёт Гагарина в космос. А уже в 11 все спали – сказалась накопившаяся усталость.

Приземление Гагарина произошло возле деревни Смеловка Саратовской области. Теперь на этом месте установлен обелиск. В то время, когда пошла команда на спуск, Королёв звонил по телефону с Байконура в Пицунду, где находился Хрущёв. Слышимость была плохая, Королёв прижимал трубку к уху и кричал:

– Парашют раскрылся, идёт на приземление! Корабль, кажется, в порядке!

– Жив? Подает сигналы? – также крича в трубку, допытывался Хрущёв.
– Жив! Жив!

Первоначально никто не планировал грандиозной встречи Гагарина в Москве. Всё решил в последний момент Никита Хрущёв. По словам Сергея, сына Никиты Хрущёва, “он начал с того, что позвонил министру обороны маршалу Малиновскому и сказал: “Он у вас старший лейтенант. Надо его срочно повысить в звании”. Малиновский ответил, довольно неохотно, что даст Гагарину звание капитана. На что Никита Сергеевич рассердился: “Какого капитана? Вы ему хоть майора дайте”. Малиновский долго не соглашался, но Хрущёв настоял на своём, и в этот же день Гагарин стал майором”.

Потом Хрущёв позвонил в Кремль и потребовал, чтобы Гагарину подготовили достойную встречу.

Затем по телефону связались с Главкомандующим ВВС. Гагарин доложил Главному Маршалу авиации тов. Вершинину о выполнении задания. Тот поздравил космонавта с возвращением на землю и присвоением ему воинского звания “майор”. Главкомандующий сказал, что сейчас соединят Гагарина по телефону с Н. С. Хрущёвым и Л. И. Брежневым. Соединили с товарищем Брежневым. Гагарин доложил о выполнении задания, о том, что все системы работали хорошо, что приземление произошло в заданном районе, что чувствует себя хорошо. Брежнев поздравил Юрия Алексеевича пожелав всего хорошего и сказал, что скоро будет звонить Хрущёв. После этого генерал-полковником Агальцовым было принято решение лететь в Куйбышев.

Летом шестьдесят первого я поступил в Бугурусланское летное училище. Тогда по всей стране в школах, как грибы после дождя, появлялись кружки юных космонавтов. В них принимали самых способных и здоровых ребят, которые искренне мечтали пополнить ряды покорителей космоса. Для них даже была придумана специальная форма: голубой берет в стиле кубинских партизан, белые и голубые, с погончиками рубашки и тёмно-синие костюмы. Юные космонавты участвовали в торжественных мероприятиях, демонстрируя ловкость, смелость и отличные знания всего, связанного с авиацией и первыми космическими полётами. Они писали стихи, сочиняли песни. Впрочем, стихи тогда писали многие, в том числе и мои новые друзья. На самоподготовке Толя Пермяков показал свою тетрадь со стихами. В ней я прочитал его новое стихотворение “Колыбель быстрокрылых орлов”.

*Есть в Приволжье местечко такое
Среди тихих долин и холмов —
Городок, что не знает покоя, —
Колыбель быстрокрылых орлов.*

Это был гимн лётному училищу, песнь выбранной профессии. Своё творение Толя заканчивал оптимистическими строками:

*Если надо, мы в рейсы межзвездные
В корабле “Восток-3” полетим.*

Этим героическим пафосом была буквально пропитана атмосфера тех дней, а соответственно, и та среда, в которую нам посчастливилось попасть.

Мы были молоды, уверены не только в себе, но и в завтрашнем дне, и всё ещё было впереди. Полёт Гагарина породил уверенность, что мы можем всё. На стапелях авиационных заводов закладывались новые самолёты, которые мы мечтали поднять в воздух. Так, собственно говоря, и произошло. После окончания лётного училища мы сели в кабины этих самолётов и повели их, привыкая к отечественным воздушным дорогам, а после уже начали пересекать моря и океаны. На нашу долю пришёлся золотой век отечественной авиации. Советский Союз лидировал в освоении реактивной техники, наши самолёты знали во всех странах, и в мире не было авиакомпании, равной “Аэрофлоту”.

Глядя на портреты первых космонавтов, хотелось верить, что и в космосе нам не будет равных. Есть Запад со своими ценностями, но есть и Россия, у которой теперь есть Гагарин!

Был и будет всегда.